

КАЖДАЯ ИСТОРИЯ ЛЮБВИ ДОСТОЙНА
БЫТЬ НАПИСАННОЙ... ДАЖЕ САМАЯ МРАЧНАЯ

ПОКА БЬЁТСЯ СЕРДЦЕ

18+

ДЖЕННИФЕР ХАРТМАНН
АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ *USA TODAY*

Дженнифер Хартманн
Пока бьётся сердце
Серия «Freedom. Романтическая
проза Дженнифер Хартманн»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69283588

Пока бьётся сердце: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-187773-6

Аннотация

Когда Кора пришла на день рождения своей сестры, она никак не ожидала того, что случится после. У девушки украли кошелек, из-за чего она не смогла самостоятельно добраться домой. Поэтому ее дальнейшая судьба оказалась в руках Дина – заклятого врага и главной занозы в ее жизни.

Но чего уж Кора действительно не могла предположить, так это того, что на следующий день вместе с Дином они проснутся в подвале сумасшедшего, закованные в наручники. Спустя пятнадцать лет насмешек, оскорблений и издевательств судьба сыграла с ними злую шутку. Два человека, которые ненавидели друг друга всем сердцем, теперь должны действовать сообща, если хотят выжить.

Но Кора и Дин даже не подозревали, что задумал похититель. И это изменит их отношения, сотрет грань между ненавистью и любовью и свяжет гораздо сильнее, чем могут связать цепи.

Содержание

Часть 1	9
Глава 1	10
Глава 2	32
Глава 3	46
Глава 4	62
Глава 5	80
Глава 6	82
Глава 7	103
Глава 8	106
Глава 9	115
Глава 10	129
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Дженнифер Хартманн

Пока бьётся сердце

*«Что хорошего в тепле лета без зимней стужи,
придающей ему сладость».*
Джон Стейнбек

Jennifer Hartmann
Still Beating

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2020 by Jennifer Hartmann

All rights reserved

© Гладыщева Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-

* * *

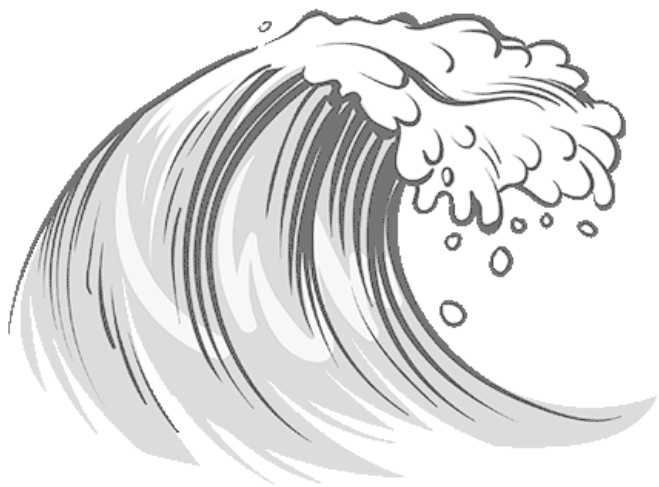

Плейлист

Плейлист можно прослушать

- «Hey Jude» – The Beatles
- «Bag of Bones» – Silversun Pickups
- «Shimmer» – Fuel
- «Haunted» – Poe
- «Angel» – Theory of a Deadman
- «Change (In the House of Flies)» – Deftones
- «Overfire» – T.H.C
- «Carnival of Rust» – Poets of the Fall
- «Lucky Now» – Ryan Adams
- «The Otherside» – Red Sun Rising
- «Starlight» – Muse
- «Head Above Water» – Avril Lavigne
- «Blind» – Lifehouse
- «Hold Back the River» – James Bay
- «Through Glass» – Stone Sour
- «Blessed Be» – Spiritbox
- «Especially Me» – Low
- «Watch Over You» – AlterBridge
- «Breathing» – Lifehouse
- «Hold» – Built For the Sea

Часть 1
Сводник
Кора

Глава 1

– Ты просто закоснелый идиот!

Я прищуриваюсь, глядя на человека, которого считаю достойным своего самого изысканного оскорбления.

«Закоснелый». Это чертовски подходящее слово.

Человек, о котором идет речь, – Дин Ашер, придурок-женех моей сестры.

Дин смеется, похоже, совершенно не впечатленный моим враждебным взглядом, который мог бы испепелить на месте. Должно быть, он уже привык к нему.

– Какого дьявола это вообще значит?

– Еще и тупой, – добавляю я, вскидывая бровь и потягивая свой разбавленный коктейль.

Пятнадцать лет. Пятнадцать чертовых лет – вот сколько я терплю поддразнивания, насмешки и пренебрежительное отношение Дина. Он олицетворение «плохого парня» – грубый, накачанный, от него всегда разит сигаретами и кожей. До неприличия хорош собой.

Ублюдок.

Моя сестра Мэнди угодила прямиком в его сети. Они встречались с самого начала старших классов. Мэнди была сама популярность со своим титулом королевы выпускного бала, обесцвеченными волосами и гардеробом от Аберкромби. В старших классах это считалось стильным.

Ко мне же, напротив, ничего из этого не относилось – и слава Богу. Несмотря на тот факт, что я всего на десять месяцев младше Мэнди, двух более разных людей найти невозможно. Она спортивная, жизнерадостная и легкомысленная. Я же книжный червь, который скорее предпочтет купить красивые наряды для нашей собаки, чем для себя. Мэнди веселая, я серьезная. Я могу весь день цитировать Шекспира, а Мэнди заголовки сплетен из Твиттера.

Но несмотря на различия, наша сестринская связь с годами укрепилась, и теперь я готовлюсь в следующем месяце стать подружкой невесты на ее свадьбе. Мне бы хотелось сказать, что Мэнди переросла свои школьные предпочтения и поумнела, но, увы, Дин Ашер каким-то образом умудрился продержаться, хотя ей уже перевалило за тридцать. Он прицепился к ней как зараза. Она просто не смогла от него избавиться.

Я не смогла от него избавиться.

Итак, теперь мне выпала божественная привилегия через четыре коротких недели стать свояченицей Дина.

Меня сейчас стошнит.

– Почти уверен, что такого слова не существует.

Я помешиваю миниатюрной соломинкой в бокале и поднимаю взгляд на мужчину, который смотрит на меня с высоты своего роста и с фирменной ухмылкой на лице. Его взгляд – сплошная сталь и упертость. Я качаю головой, мне стыдно, что скоро придется считать этого парня родственником.

– Не заставляй меня воспользоваться Гуглом, Дин. Ты же знаешь, что я это сделаю.

Сегодня вечеринка в честь тридцатилетия Мэнди. Мы в «Сломанном весле» – тихом баре в северном Иллинойсе, прямо на берегу озера. Прикольное место для праздника, несмотря на сомнительную компанию.

Дин делает глоток пива, его светло-голубые глаза озорно поблескивают. И совсем недобро.

– Ты всегда была занудой, Корабелла.

– Не называй меня так.

Он подмигивает мне, а я бросаю на него убийственный взгляд. Дин – единственный человек, кроме моих родителей, который называет меня полным именем – Корабелла. Я ненавижу это имя. Все зовут меня Кора. Дин конечно же это знает, но всегда находит особое удовольствие в том, чтобы меня позлить.

Нашу перепалку прерывает именинница, которая в настоящее время отлично олицетворяет фразу «пьяная в стельку». Мэнди неловко и грубо обнимает нас с Дином.

– Я вас люблю-ю-ю! Вы мои лучшие друзья. Я выхожу замуж за самого лучшего друга, – выдает Мэнди заплетающимся языком. К этому моменту она уже успела выпить порядка десяти коктейлей «Секс на пляже». Она поворачивается ко мне и роняет голову на мое плечо. – И ты, Кора. Ты тоже выйдешь замуж за своего самого лучшего друга очень-очень скоро.

Я вырываюсь из ее объятий. От смеси аромата дорогих духов Мэнди и запаха виски Дина меня тошнит.

– Я никогда не выйду замуж, Мэнди. Развод в мой список желаний не входит. Может, в другой жизни.

Я уже собираюсь уходить, но Мэнди меня останавливает. Она тычет мне в грудь пальцем с французским маникюром, и я отшатываюсь, потирая место прикосновения.

– Брак священен. Мы с Дином никогда не разведемся.

Вероятнее всего это правда. Дин, похоже, из тех, кто будет рад оставаться женатым и при этом развлекаться с девочками на стороне. А Мэнди, безусловно, из тех, кто закрывает на это глаза.

– Сказки. Но можешь считать, что я завидую.

– Ребята, а вы не хотите попытаться поладить? Пожалуй-ста? – умоляет Мэнди, театрально размахивая руками. К ее опьянению примешивается капля искренности.

Я вздыхаю и устремляю взгляд на Дина. Он продолжает усмехаться. Я постукиваю пальцами по бокалу, делая вид, что обдумываю просьбу Мэнди.

– Ну, я бы... наверное, могла бы, но... как мне забыть инцидент с пауком в ботинке? Как вообще кто-то может продолжать общение после подобного?

Дин посмеивается и залпом допивает пиво, явно забавляясь своей выходкой.

– Ну это было шикарно. Никогда за такое не извинюсь.

– Видишь? – Я указываю на него бокалом, оставляя ми-

зинец в сторону. – Он отказывается идти на контакт. Я пыталась.

Мэнди хлопает своего жениха по груди.

– Дин, хватит вести себя с моей младшей сестрой как козел.

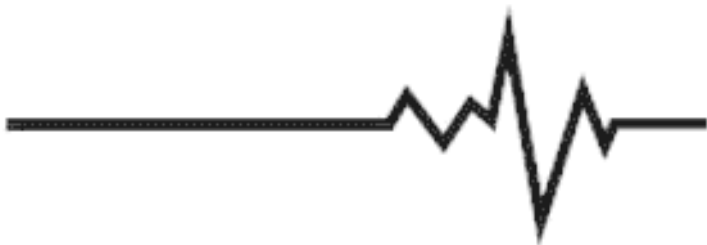
– Что? Она может сама за себя постоять.

Я недовольно на него смотрю, и наши взгляды на мгновение встречаются.

– Ну, в чем-то он прав.

Я быстро ухожу прочь, глотая остатки своего паршивого коктейля и приближаюсь к бару. Со стуком ставлю пустой бокал, забираюсь на стул и бросаю взгляд на бармена.

– Еще один, пожалуйста. Сделайте двойной.

Мне следовало согласиться на предложение подвезти меня домой.

Сейчас чуть больше часа ночи, и я умудрилась познакомиться с самым скучным парнем в баре, с которым вообще можно завязать разговор. Опьянение рассеивается, так что

теперь я просто уставшая и раздражительная, сижу за стойкой, подпирая голову рукой. Я пялюсь на идиота слева от меня, пока он болтает о том, что он юрист, о своей крутой тачке и что-то о прослушивании на реалити-шоу. Честно, у него не осталось шансов еще до того, как он открыл рот. Он пахнет, как мой сахарный скраб с маракуйей, и это действительно убивает настрой.

Я изображаю отчаянный зевок и еще ниже сползаю на стуле.

– Это здорово, Сет. Правда, круто.

– Я Сэм.

– Я так и сказала. – Я провожу пальцами по своим длинным золотистым прядям волос, поднимаю голову и заставляю себя улыбнуться. – В любом случае, мне пора идти. Уже поздно.

Сет/Сэм смотрит на меня, нахмутив свои кустистые брови. Его тонкие губы сжимаются в прямую линию.

– Не так уж и поздно. Я закажу тебе еще выпить.

Не-а. Меня стошнит. И определенно прямо на его идиотский жилет.

– Нет, спасибо, – отвечаю я, быстро отмахиваясь от него ладонью. – Я должна идти.

– Может, тебя подвезти?

– Нет.

Вообще-то, было бы неплохо. Сюда я приехала с Мэнди и Дином, но еще одну поездку в машине с самим сатаной я

бы не выдержала, потому отклонила их предложение отвезти меня домой.

Но для этого и существует такси.

Я поднимаюсь с барного стула, покачиваясь на дурацких высоких каблуках, и хватаю свою сумочку со стойки.

– Пока, – недовольно бросает Сет/Сэм, когда я перекидываю ремешок сумочки через плечо и неторопливо ухожу из бара. Я успешно разрушила его планы на вечер и прекрасно себя чувствую по этому поводу. Я бы не возражала против пьяной ночи сомнительного веселья – господь свидетель, мой вибратор мне до смерти надоел, – но Сет/Сэм потерял свою привлекательность быстрее, чем «Чикагские медведи» упустили шанс заполучить Суперкубок в этом году, что произошло чертовски быстро.

Может быть, я просто слишком привередничаю.

Мэнди говорит, что я слишком привередничаю.

Ну и ладно. Похоже, вибратор – мой друг надолго.

Я шагаю вдоль стены бара и глубоко вдыхаю прохладный ветерок. Мои каблуки стучат по тротуару. Я накидываю кардиган поверх своего темно-синего платья, пытаюсь немного согреться, затем лезу в сумочку за мобильным телефоном. На самом деле я никогда раньше не пользовалась Uber – возможно, остановить обычное такси было бы проще. Они вообще еще существуют?

Я продолжаю шарить по карманам своей сумочки в поисках телефона, но затем хмурюсь, когда понимаю, что сумоч-

ка намного легче, чем обычно. Ха. Я включаю фонарик мобильного телефона, чтобы оценить ситуацию, и внутри начинается узлом затягиваться тревога.

Черт. Мой кошелек пропал.

Неужели этот сукин сын прихватил его, когда понял, что ему ничего не светит?

Ярываюсь обратно в бар, сердце бешено колотится под ребрами. Мои кредитные карточки, водительские права, больше ста долларов наличными. Фотографии, медицинская страховка, пароли, которые я ни за что не вспомню.

Проклятье.

Моя грудь вздымается, когда я хлопаю ладонью Сета/Сэма по плечу. Я даже не жду, когда он обернется.

– Это ты украл мой бумажник?

Он медленно поворачивается на стуле с выражением отворачивания на лице.

– Прости?

– Мой бумажник пропал. А ты единственный человек, с которым я общалась за вечер.

Сет/Сэм фыркает.

– Вот именно. Ты разговаривала со мной весь вечер. Когда бы у меня появился шанс украсть твой бумажник? – Он качает головой, а затем снова отворачивается и тянется за своим пивом. – Иди проспись, идиотка.

Я игнорирую оскорбление, слишком поглощенная дилеммой, чтобы дать ему пощечину. Парень прав. Все время, про-

веденное в баре, я буквально сидела с ним лицом к лицу, пусть и в полусне практически пускала слюни в ладонь. Но я бы заметила, как он возится с моей сумочкой. На самом деле, она лежала на барной стойке, немного позади моего правого плеча.

Это означает, что украсть мог кто-то из-за *спины* .

Черт, черт, черт.

Сейчас бар уже почти пуст. Я задаю вопрос бармену, который лишь пожимает плечами в ответ, а затем набираю полные легкие воздуха и разочарованно выдыхаю. Я выбираюсь обратно на улицу и мысленно готовлюсь просить знакомых меня подвезти, так как внезапно оказалась без гроша в кармане.

Я начинаю с Мэнди, уже зная, что она спит с выключенным телефоном.

Переводит на голосовое сообщение.

Пытаюсь дозвониться до лучшей подруги Лили.

Тоже голосовое сообщение.

Ни за что на свете я не позвоню своим родителям.

Я пролистываю список контактов и пытаюсь дозвониться еще до троих человек.

Голосовое, голосовое, голосовое.

Мой большой палец замирает над другим именем, и я морщусь нос и поджимаю губы. Одна лишь мысль позвонить ему пугает. Даже прогулка в семь миль до дома на высоких каблуках кажется заманчивее десятиминутной поездки в маши-

не с Дином Ашером.

Поднявшийся ветер развеивает мои волосы. Холод буквально не дает дышать.

Я нажимаю на его имя и сразу же начинаю бормотать себе под нос ругательства.

– Корабелла?

Не знаю, что я чувствую больше – раздражение или облегчение от того, что он взял трубку.

– Не называй меня так.

– Почему ты звонишь мне посреди ночи пьяная? – Голос Дина хриплый ото сна. Наверное, я его разбудила – прекрасно. Нет худа без добра.

Я собираюсь объяснить, но он меня опережает.

– Дай угадаю, ты слишком много выпила и звонишь, чтобы признаться мне в вечной любви. Я всегда знал, что ты ко мне неровно дышишь.

Я стискиваю зубы, отчаянно сожалея о своем решении. Я даже через телефон чувствую его ухмылку.

– Знаешь, что? Забудь. Я пойду домой пешком.

Я собираюсь закончить разговор, но Дин меня останавливает:

– Подожди, подожди, тебя нужно подвезти? Я думал, ты вызовешь такси.

– Да, но... в общем, какой-то придурок украл мой бумажник, и теперь у меня нет денег. Но это неважно. Я лучше прогуляюсь. – Я действительно хочу повесить трубку.

– Не глупи. Твоя сестра меня прибьет, если я позволю тебе идти домой пешком.

– Я поражена твоим сочувствием.

Он усмехается.

– Чуткий и симпатичный. Я представляю тройную угрозу.

– Ты хотел сказать двойную? Ты назвал только два пункта.

– Что?

Я сжимаю переносицу, пытаюсь обрести подобие самообладания.

Глубокий вдох.

– Не бери в голову. Просто поторопись.

Я нажимаю кнопку «завершить вызов», как будто выключаю будильник, звонящий воскресным утром. В такие моменты я жалею, что не курю. Подумываю о том, чтобы вернуться внутрь, но у меня нет денег на выпивку. И совершенно не хочется оказаться втянутой в очередной захватывающий разговор с Сетом/Сэмом, поэтому решаю прислониться спиной к кирпичному зданию.

Проходит всего несколько минут, прежде чем какой-то придурок пристраивается рядом и просит прикурить. Я бросаю взгляд в его сторону и быстро отстраняюсь. Это лысеющий пузатый мужчина, от которого пахнет вареной морковью. Я сдерживаю рвотный порыв.

– Не курю. Извините. – Я продолжаю сохранять между нами дистанцию, но чувствую, как мужчина на меня пялится. Фу.

– Позволь мне угостить тебя выпивкой, котенок.

Я скрещиваю руки на груди, когда ловлю его взгляд на моем декольте.

– Нет, спасибо. За мной скоро приедут.

– Я тоже могу тебя прокатить, – усмехается он, его сальный намек толще некуда.

Меня тошнит еще сильнее.

– И снова, я пас. Приятного вечера.

Никогда не думала, что буду желать, чтобы Дин поскорее приехал. Даже его идиотское лицо более терпимо, чем Джон Уэйн Гейси¹, сканирующий своим рентгеновским зрением мое декольте.

Мужчина продолжает болтовню, заставляя у меня внутри все сжиматься.

– Знаешь, а ты милашка.

Фу, фу и еще раз фу. Мужчина нарушает мое личное пространство, но прежде чем я решаю вернуться в бар, на парковку въезжает черный «Камаро» Дина с чудовищным двигателем и низкопрофильными шинами. Он останавливается передо мной и выходит из машины, подбрасывает ключи в воздух и ловит их другой рукой. Он смотрит на меня, ожидая, что я начну охать и ахать или что-то подобное.

Но не впечатлил.

¹ Джон Уэйн Гейси – американский серийный убийца и сексуальный преступник, известный как клоун-убийца, который напал и убил по меньшей мере 33 молодых мужчин и мальчиков. – Примечание переводчика.

Я все еще прижимаю руки к груди в защитном жесте, пока он приближается и мечется взглядом между мной и Гейси. Язык моего тела кричит о ненависти, но в глазах читается мольба вытащить меня отсюда.

– Привет, – бормочу я без особых эмоций.

Дин хмуро смотрит на мужчину рядом со мной, поэтому я переключаю внимание направо и замечаю, что урод все еще непристойно ухмыляется и пялится на мои сиськи. Дин прищуривается, а затем снова смотрит на меня.

– Готова? Потому что я чертовски устал, и...

– Она твоя девушка?

Перебивает его Гейси, и мы одновременно поворачиваем головы в его сторону. Дин быстро отвечает. Слишком быстро.

– Черт возьми, нет.

Господи. Как будто у меня проказа, или сифилис, или бубонная чума. Я оскорбленно смотрю на него.

– Класс, спасибо.

– Что?

– Ничего. Поехали.

Я добираюсь до пассажирской стороны, чувствуя, как Дин следует за мной по пятам.

Гейси прощается с нами так, что у меня мурашки бегут по коже.

– Эй, вы, приятного вам вечера.

Я запрыгиваю в машину и хлопаю дверью, мгновенно бло-

кируя ее. Дин тоже залезает внутрь, задумчиво и подозрительно глядя в мое окно на вонючего любителя моркови.

– Этот урод тебя трогал?

Я бросаю взгляд на лицо Дина, раздраженная тем, насколько он привлекателен. Он почесывает заросший щетиной подбородок, и я улавливаю легкий аромат мускусно-кедрового одеколона и кожи. Я прикусываю нижнюю губу и откидываюсь на спинку сиденья.

– Нет. Как будто тебя это заботит, – бормочу я, отворачиваясь от него и глядя перед собой.

– Заботит, Корабелла. Ты приглашена на нашу свадьбу – я не могу допустить, чтобы перед таким важным днем тебя порубили на мелкие кусочки и спрятали под половицами в доме у этого парня.

Я поворачиваю голову в его сторону, ловя озорную усмешку на глупом, но красивом лице.

– Я тебя ненавижу.

– Ты же знаешь, я просто над тобой прикалываюсь. – Подмигивает он.

– И все равно я тебя ненавижу.

Дин блуждает по мне взглядом, будто оценивая, а затем поворачивает ключ в замке зажигания. Двигатель с ревом оживает.

– Знаешь, одеваясь так, ты сама приманиваешь к себе опасных типов, – небрежно произносит он, заводит машину и кладет запястье на руль.

Я фыркаю от дерзости его заявления.

– Жертва сама виновата, – подсказываю я. – Ты настоящая находка. Моей сестре жутко повезло. – Я смотрю на него и театрально хлопаю длинными ресницами.

– Я не это имел в виду, – возражает он. – Я хотел сказать, что когда ты так одеваешься, то привлекаешь внимание парней.

– Когда я одеваюсь как? Хочешь сказать, что я выгляжу как шлюха?

– Я говорю, что ты хорошо выглядишь.

Дин отпускает странный комплимент с такой небрежностью, что я почти забываю, от кого он исходит. Я тереблю подол своего платья и скрещиваю ноги, не зная, как ответить. Но потом вспоминаю, что сказал, будто я сама виновата. И вообще, он все такой же козел.

– Ага, ну а ты, ты выглядишь как... тупица.

Что?

Смачный хохот смешивается с ревом двигателя, и я откидываюсь на спинку сиденья.

– Это лучшее, на что ты способна? Должно быть, алкоголь так на тебя подействовал. Твои попытки язвить сейчас выглядят жалко.

– Заткнись.

Дин снова чешет подбородок, поглядывая в мою сторону каждые несколько секунд.

– Кстати, пожалуйста, за то, что подвез. И за то, что спас

твою жизнь.

Я снова фыркаю. Даже не подозревала, как мне нравится фыркать.

– Ты только и сделал, что с идиотским видом подъехал на своей мачо-машине и намекнул, что находишь мой вид вызывающим. – Я мило улыбаюсь ему, прижимая руки к сердцу. – Мой герой!

Он сопит.

– Еще один кокетливый взгляд, и этот парень украл бы твои трусики в качестве трофея. Я определенно спас тебе жизнь.

– Кокетливый?

Дин пожимает плечами, его внимание переключается между мной и дорогой.

– Да, и что? Я почерпнул это из справочника Кору Лусон. Ты же у нас прямо ходячий словарь.

– Я не бросала на этого парня никаких «кокетливых» взглядов, – заявляю я, игнорируя подкол. – Наоборот, старалась не подавиться собственной рвотой. – Затем я поднимаю бровь и откашливаюсь, добавляя: – Тебе должен быть хорошо знаком этот взгляд.

Он пытается скрыть улыбку, но я ее замечаю.

– Неудивительно, что решил, будто ты ко мне равнодушна.

О, боже. Я качаю головой и тоже изо всех сил стараюсь не улыбнуться.

Дин ерзает на сидении и тянется за сигаретами на центральной консоли.

– Знаешь, я подумал, что мы могли бы уладить небольшую размолвку между нами. Как насчет перемирия.

– Небольшую размолвку? Ты имеешь в виду кипящую ненависть, которую я испытываю по отношению к тебе последние пятнадцать лет?

– Ага, ее самую.

Я тарашуь на него.

– Нет.

– Почему нет? – невнятно спрашивает он, прикуривая сигарету. Кончик ярко светится, загораясь темно-оранжевым и малиновым цветами. Я отвечаю не сразу, и Дин украдкой поглядывает на меня. – Ради Мэнди. Она хочет, чтобы мы были друзьями.

– Если ты не планируешь пересадку личности, я уверяю тебя, что ад замерзнет прежде, чем я начну считать тебя своим другом. Драматично, но правда.

– Черт, Кора, я не настолько уж и плох.

Его заявление заставляет меня выпрямиться и вытянуть шею от возмущения. Он что, сейчас серьезно? Я возмущенно фыркаю.

– Ты называл меня «Скукотеллой» всю старшую школу, потому что я предпочитала учиться, а не тусить каждый вечер. Ты назначил мне свидание вслепую с Вонючим Стивом и снял мою реакцию на видео, а затем выложил на MySpace.

Ты разыграл меня как в «Звонке» в тот вечер, когда я впервые посмотрела этот фильм, и так сильно напугал меня, что я хлопнулась в обморок. Мэнди подумала, что я умерла, и у нее случилась паническая атака. Я до сих пор отказываюсь ставить в своей комнате телевизор.

– Школьные приколы. Это было много лет назад, – сквозь смех отмахивается Дин.

– Ты заменил сахар в сахарнице на соль, когда заходил за Мэнди, так что у меня утро началось с весьма интересной чашки кофе. *Вчера.*

– Ну... – Дин ерошит свои растрепанные каштановые волосы, наполовину смущаясь, наполовину забавляясь. – За тобой не заржавеет отомстить, Корабелла.

– Ты зовешь меня Корабелла. Хотя знаешь, как это меня бесит. – Я могла бы продолжить. Могла бы перечислять до бесконечности, и искушение велико, но тогда кровь закипит еще сильнее, а у меня уже нет сил спорить. – Мы никогда не станем друзьями.

Я снова смотрю прямо перед собой, но краем глаза замечаю пристальный взгляд Дина. И клянусь, в нем сквозит намек на симпатию. Маленький белый флаг, развевающийся на ветру.

– Но это твое имя.

– Мое имя Кора. Корабелла – это мерзость, которой меня наградили родители, потому что уже назвали красивым нормальным именем своего любимого ребенка.

Ладно. Я перевожу разговор на очень личную тему. Нужно остановиться.

– Послушай... – Дин собирается что-то ответить, но нас отвлекают.

К нам сзади приближаются мигающие огни и ослепляют непрекращающимися вспышками. Дин притормаживает и смотрит в зеркало заднего вида. На его лице отражается раздражение.

– Черт возьми, Дин, что ты натворил? Я просто хочу попасть домой.

– Ни черта я не сделал. Я ехал на предельно допустимой скорости. И срок регистрации номерного знака не истек. – Он съезжает на обочину гравийной дороги, ударяя кулаком по рулю. – Бред какой-то.

Машина полностью останавливается, и я с раздраженным вздохом откидываюсь на кожаное сиденье.

– Вероятно, уже выписали ордер на твой арест. Может быть, ты кого-то убил. Я не сяду за убийство. Я тебе не сообщник.

– Думаешь, я способен кого-нибудь убить?

Ну, нет.

– Возможно. Но ты слишком туп, чтобы сделать это правильно, так что теперь тебя схватят, а меня арестуют за компанию. Просто здорово!

– Господи. – Дин качает головой, потирая лицо обеими ладонями. – Неудивительно, что ты до сих пор одинока.

Уф. Я позволяю этой шпильке глубоко вонзиться в сердце, с болью, просачивающейся в каждый уголок души. Он знает мое самое уязвимое место. Я думаю, ему нравится играть с моей неуверенностью и пробуждать ее к жизни.

– Да пошел ты! – В моем голосе нет ни капли поддразнивания или игривого подтрунивания – только враждебность.

Дин зло смотрит на меня. Я отвечаю ему тем же.

А потом в ушах звенит звук разбивающегося стекла, мне в лицо летят осколки, и я вскрикиваю. Через разбитое окно с моей стороны появляются две мясистые руки и обвиваются вокруг моей шеи. Я понятия не имею, что тут, к чертовой матери, происходит, но продолжаю кричать, инстинктивно хватаясь за руки и упираясь ногами в дверь, чтобы меня не вытащили из машины.

– Кора!

Дин рядом, надо мной, бьет нападающего и пытается ослабить хватку ублюдка. Я тянусь к Дину, цепляясь за его куртку, отчаянно не желая покинуть машину и чтобы меня забрали. Я кричу сквозь страх, задыхаясь и отплеываясь:

– Гони!

Дин все еще пытается оторвать чужие руки от моей шеи.

– Я не могу тебя отпустить!

– Просто... Гони!

Перед глазами все плывет, когда пальцы на моем горле сжимаются еще сильнее, но затем одна рука исчезает, и на мгновение появляется надежда – может быть, Дин смог от-

биться, отпугнул его... Но не тут-то было. Рука возвращается с блестящим куском металла, и я думаю, что это пистолет, о *Боже*, похоже, что это и правда пистолет!

Снова крики.

Они мои, я уверена.

А затем рукоятка пистолета с тошнотворным звуком врежется в голову Дина.

– Нет! – Я кричу, скулю, умоляю. Дин тряпичной куклой падает мне на колени, и я чувствую, как меня поднимают с сиденья и вытаскивают в окно. Осколки стекла разрывают платье и кожу.

– Отпусти меня!

Толстая ладонь, от которой воняет бензином, зажимает мне рот, заглушая крики. Я поднимаю взгляд и у меня округляются глаза.

Это он.

Мужик из бара, похожий на Джона Уэйна Гейси.

Нет.

Сквозь его пальцы просачиваются мои приглушенные рыдания, и я продолжаю бороться, пока он тащит меня по гравию. Брыкаюсь и пинаюсь, до крови впиваюсь ногтями в его жирные руки.

Затем я открываю рот, насколько это возможно, и кусаю.

Сильно.

Из раны на пальце сочится кровь, мужчина взывает от боли, а я пытаюсь вырваться. На мгновение у меня получа-

ется, но вдруг что-то ударяет меня по затылку... и все погружается во тьму.

Глава 2

Кап. Кап. Кап.

Я сплю.

Мне снится океан.

Когда мне было восемь лет, мы ездили в Диснейленд – я, Мэнди, мама и папа. Я так радовалась. Сколько себя помню, мне хотелось окунуть ноги в соленую воду. Однажды днем мы взяли напрокат машину и поехали к Тихому океану, и я до сих пор помню, как бешено колотилось мое сердце в груди, когда на горизонте показалась бескрайняя синева. Я представила себе Ариэль и ее морских сестер, плавающих под поверхностью воды.

Это было волшебно. Красиво.

А потом я начала задыхаться. Плюхнулась задницей на песок и издали наблюдала, как моя сестра с родителями плескались, смеялись и создавали воспоминания, которые мне так отчаянно хотелось с ними разделить.

Но я не могла пошевелиться. Я застыла на пляже, окруженная замками из песка и незнакомыми лицами. Когда я подошла поближе, вода показалась очень темной и зловещей. Необъятность океана напугала меня, и я была в ужасе от того, что меня смоем волной.

А потом пришло время уходить.

– Уверена, что не хочешь помочить ножки? Ты же так ра-

довалась поездке, – подбадривала меня мама, собирая игрушки и разноцветные пляжные полотенца.

Я с трудом сглотнула, внимательно оценивая взглядом накатывающие волны. Может быть... Может быть, я смогу это сделать.

Я заставила себя подняться на ноги, мои пальцы погрузились в мокрый песок. Робко, на дрожащих ногах, я двинулась в сторону ревущего океана. Но остановилась недалеко от воды, взглянув на серые облака над головой.

– Пойдем, Кора! – крикнул мой отец издалека. – Сейчас дождь начнется.

Подождите, подождите, нет... Я почти дошла. Мне нужна лишь минутка.

Я сделала глубокий, полный храбрости вдох и продолжила свой медленный путь вперед. Вот тут-то и начался дождь. Я наблюдала, как капли падали в океан, вода перемешивалась с водой. Сон медленно тает перед глазами.

Кап. Кап. Кап.

Все началось быстро и с неистовой силой. Я попыталась подбежать, но сильная рука обхватила мое предплечье, оттаскивая назад.

– Пора уходить, Корабелла. Надвигается сильный шторм.

Я сглотнула, и глаза наполнились слезами, когда отец потащил меня назад. Я так и не ощутила, как вода плещется у моих лодыжек. Так и не почувствовала, как морские водоросли щекочут мне пальцы ног. Мой отец обещал, что мы

вернемся на следующий день, но этого не произошло...

По сей день я так туда и не вернулась.

Кап. Кап. Кап.

Я распахиваю глаза, непрерывные капли вырывают из сна, который преследует меня на протяжении всей жизни. Но я слышу не дождь. И я не лежу в своей теплой постели, готовясь к новому дню в школе, где преподаю английский старшеклассникам. Я где-то в другом месте. Где-то, где холодно, темно и страшно. В затылке пульсирует тупая боль, и я пытаюсь дотронуться кончиками пальцев до источника дискомфорта. И тут я понимаю, что мои запястья скованы за спиной, соединены и связаны, как у животного.

О боже.

Я широко и настороженно распахиваю глаза. Обездвижена. Я гремлю цепями, прикрепленными к наручникам, пытаюсь сориентироваться, пытаюсь вспомнить, как, черт возьми, я сюда попала. Здесь темно, но не слишком. Просто глаза пока еще не привыкли к полумраку. Я быстро моргаю, осматривая помещение, ставшее моей тюрьмой. Я нахожусь в какой-то камере. Может быть, в подвале. Пытаюсь сфокусировать взгляд и замечаю маленькое узкое окно напротив меня с едва заметным отблеском света. Сквозь мой новый кошмар пробивается восход солнца, подтверждая, что я действительно проснулась.

Вот тогда-то я это и слышу. Глубокий, хриплый стон.

Через боль я выворачиваю шею и обнаруживаю Дина

Ашера, прикованного цепью к противоположному углу цементной комнаты в такой же позе. Он мотает головой, возвращаясь в сознание.

Не знаю, можно ли счесть за трагичную иронию тот факт, что я попала в заточение с единственным человеком, которого ненавижу больше всего на свете, но при этом чувствую некое подобие облегчения от того, что я не одинока.

– Дин. – Мой голос охрип и ослаб, превратившись в едва слышный шепот. Он нарушает окутывающую нас тяжелую тишину. Я наблюдаю, как Дин поднимает голову, а затем откидывает ее на стену, издавая новый стон. – Дин, – повторяю я на этот раз немного громче.

– Где я, черт бы меня побрал? – хрипит он, но это больше, чем вопрос. Это требование. Я вижу, как он щурится, глядя на меня сквозь клубящийся мрак, сомневаясь в моем существовании, сомневаясь, не играет ли его разум с ним злую шутку. Он сомневается во всем. – Кора?

– Дин.

Его имя с трудом срывается с пересохших губ. К глазам внезапно начинают подступать слезы, когда в груди разрастается страх. Я чувствую тошноту. Опустошение. Я начинаю дергаться в своих путах, тянуть и дергать их, гремя цепями о стальную трубу.

Дин следует моему примеру и делает то же самое, зовя на помощь и лязгая наручниками, пока я кричу во всю глотку.

– Что, черт возьми, происходит? Где мы находимся? – Дин

задыхается и сыплет вопросами с безумным отчаянием. – Ты ранена?

Думаю, я должна удивиться, что мое благополучие оказывается на первом месте среди его тревог, но меня слишком переполняют ужас и тоска, чтобы о таком задумываться. Я с трудом сглатываю.

– Моя голова... – большего я из себя выдавить не могу, потому что на глаза наворачиваются слезы, и подавленное состояние мешает произнести что-то еще.

– Ага, моя тоже.

Я пытаюсь взять себя в руки и прерывисто дышу сквозь стиснутые зубы. Чувствую, как меня охватывает приступ паники, но не могу позволить ей взять верх. В панику буду впадать, когда потеряю надежду, когда все попытки спастись потерпят неудачу, все варианты будут исчерпаны и смерть окажется неминуема.

Сейчас же мне нужно сосредоточиться. Сохранять спокойствие. Нам нужно отсюда выбраться.

Я смотрю, как Дин поднимается на ноги, его руки соединены за спиной наручниками и прикованы к очередной трубе. С каждым движением металл скрежещет о металл, а затем Дин со всей силы ударяет наручниками по стали, снова и снова.

– Кто-нибудь, на помощь! Вытащите нас отсюда, черт побери! – ревет он, его голос эхом разносится по сырому подвалу, вторя лязгу цепей.

Я прислоняюсь головой к стене.

– Как ты думаешь, чего он от нас хочет?

Дин продолжает отчаянно шуметь и греметь металлом.

– Не знаю. И не хочу знать. – Бум, бум, бум. Лязг, лязг, лязг. – Ублюдок, я тебя грохну к чертовой матери! – выкрикивает он.

– Он знает, что ты не можешь его убить. Ты прикован к трубе.

Дин прекращает свои попытки, чтобы впиться в меня взглядом с другого конца подвала.

– И что, значит я должен просто сдаться и гнить здесь? Черта с два. – Лязг, лязг, лязг. – На помощь!

– Как думаешь, ему нужен ты или я?

Я слышу тяжелое пыхтение Дина в нескольких футах от меня. Он колеблется, прежде чем ответить, и с его губ слетает тихое рычание.

– Ты.

Боже.

Я закрываю глаза, сдерживая новый поток слез. Несколько капель находят выход и скатываются по покрытым синяками щекам, задерживаясь на краю подбородка. Я вытираю их плечом.

– Полагаю, ты счастливчик.

– Это я-то *счастливчик*? Я прикован цепью к гребаной трубе в подвале психопата. Ты хоть какую-то ценность представляешь. А я покойник.

– Я скорее умру, чем стану полезной этому психу. Ты ведь знаешь, что это значит, верно? – Я подтягиваю ноги к груди, желчь подступает к горлу при одной только мысли. – Он собирается меня изнасиловать!

Между нами воцаряется молчание, потому что, положив руку на сердце, что тут можно сказать? Ничего. Абсолютно ничего.

Мы оба знаем, что у меня на повестке дня, и никто из нас ничего не может с этим поделать. Но я не знаю наверняка, почему он похитил Дина. Может быть, потому, что тот видел лицо подонка?

Злость с привкусом горечи прорывается наружу, и я выплескиваю ее единственным известным мне способом.

– Поверить не могу, что из всех людей мне выпало умереть здесь, внизу, с тобой. Наверное, Высшие Силы действительно меня ненавидят.

– Серьезно? – тут же огрызается в ответ Дин. – Нам, вероятно, собираются выпустить кишки и изнасиловать, а ты затаила обиду на Высшие Силы? Господи, Кора.

Шатаясь и пытаясь удержать равновесие на своих высоких каблуках, я подтягиваюсь, скользя цепями по трубе. Мои колени дрожат, и я почти падаю обратно на усеянный мусором пол.

– Почему ты не поехал? Я же сказала тебе гнать. – Восходящее солнце льет все больше света в нашу проклятую дыру, освещая выражение возмущения на лице Дина. Стиснув

зубы, я отвожу взгляд.

– Хочешь сказать, что это я виноват? Я пытался тебя спасти!

– Нажми ты просто на газ, он бы отпустил меня, и мы бы сейчас нежились в тепле и безопасности наших собственных постелей! – Негодование буквально выплескивается из меня, и, возможно, Дин этого не заслуживает, но так проще. Это проще, чем принять реальность нашей ситуации.

Я вижу, как он явно оскорбленно качает головой, глядя на меня.

– Ты просто нечто, Корабелла.

Я рассчитываю, что он продолжит. Я хочу, чтобы он сказал что-нибудь еще. Хочется, чтобы он заглотил наживку, обернул свой собственный страх и разочарование в злость и выплеснул ее прямо на меня.

Давай, вываливай на меня все, что у тебя накопилось, Дин.

Но на этом все. Он больше ничего не говорит, и я снова чувствую себя потерянной.

Я соскальзываю обратно на задницу, не в силах больше выдерживать на ногах вес своего тела и всей ситуации. Несколько мгновений спустя Дин тоже садится, вытягивает ноги перед собой и прислоняется спиной к столбу, закрывая глаза. Мои собственные кажутся сухими, а под веками жжет как от лимона. Моргать больно.

Между нами долгое время плещется тишина. Солнце взошло, освещая радостными, яркими лучами нашу темницу,

проливая свет на мучительную правду о сложившихся обстоятельствах. Я почти желаю темноты. Она хоть немного сглаживает суровую реальность.

Я сижу, уткнувшись подбородком в грудь, когда дверь со скрипом открывается, и по ступенькам лестницы стучат громоздкие ботинки. Медленно, размеренно.

Тук. Тук. Тук.

Я резко вскидываю голову и впиваюсь взглядом в Дина, который смотрит на меня с таким же встревоженным выражением лица. Наши глаза не отрываются друг от друга, когда мы оба снова поднимаемся на ноги.

– Мои малыши проснулись, – произносит мужчина, появляясь у подножия лестницы. Его живот выпирает из-под слишком короткой для него футболки, а подмышки темные от пота.

К горлу подступает тошнота, и мне хочется выть.

– Какого черта тебе нужно? – рявкает Дин, лязгая наручниками о трубу. – У меня есть деньги. Я могу перевести тебе все со своего счета.

Невысокий, коренастый мужчина заходится от хохота, а затем давится и сгибается пополам, начиная хрипеть. Когда он приходит в чувство, то выпрямляется и подходит к нам. Его маленькие глазки едва достаивают Дина быстрым взглядом, а затем все его внимание фокусируется на мне.

В его взгляде застывает все то же плотоядное желание, что и ночью. Он разглядывает меня с ног до головы. Его взгляд

останавливается на моей груди, и я пытаюсь сдвинуть плечи, чтобы хоть как-то прикрыться, но мои усилия тщетны. Наоборот, грудь колышится от моих движений, и мне кажется, что это его заводит. Я медленно отступаю назад, как будто могу куда-то деться, спрятаться.

– Мы хорошо повеселимся вместе, котенок, – говорит он мне, вытягивая губы для поцелуя и издавая отвратительный мурлыкающий звук.

Я чувствую, как моя решимость рушится. Сердце бешено колотится о грудную клетку, пытаюсь вырваться, но я должна заставить его успокоиться. *Бежать некуда.*

Дин снова начинает греметь цепями, пытаюсь отвлечь отвратительную свинью, которая раздевает меня своими бездушными серыми глазами.

– Мужик, это глупо. У нас обоих есть семьи. Работа. Друзья. Они обязательно начнут нас искать. Тебе это никогда не сойдет с рук.

Мужчина снова заливисто смеется, но даже не смотрит в сторону Дина. Он продолжает пялиться на мою грудь, и высовывает язык, чтобы облизать тонкие губы.

– Тесси Эванс и ее сводный брат-клоун несли ту же самую чушь, – говорит он, шагая вперед. Еще ближе ко мне. – Их мясо теперь компост в моем сарае. А из их костей вышли замечательные игрушки для собак.

С моих губ срывается вопль.

Я кричу, и кричу, и кричу, ослепленная слезами и дрожа-

щая от ужаса.

– Пожалуйста, не делай этого. Я не хочу умирать, – выталкиваю я, брыкаясь ногами в сторону мужчины, который подходит еще ближе. – Нет, нет, нет. Пожалуйста!

– Проклятье! – кричит Дин с другого конца подвала, все еще неистовствуя в своих цепях, как будто это как-то поможет. Как будто это поможет нам выбраться из настоящего ада.

– Оставь свой боевой настрой на потом, большой мальчик, – рывкает мужчина Дину, его внимание сосредоточено на мне.

Я чувствую, как зловонное дыхание касается моего лица. От него несет вареной морковью и бензином, вперемешку с вонью немытого тела. Я крепко зажмуриваюсь, мои плечи трясутся в такт рыданиям. Он наклоняется все ближе и ближе...

– Дай мне несколько часов, котенок, и я покажу тебе, как надо веселиться, – бормочет он, подмигивая, его нос почти касается моего. – Но сначала я должен организовать пропажу вашей машины.

О боже.

Он отступает назад, переводя взгляд с меня на Дина, затем разворачивается и, посвистывая, исчезает на лестнице.

Я падаю на пол – ничком, плача и трясясь.

У меня нет никаких сомнений, что он собирается убить нас. Сначала он развлечется, а потом перережет нам глотки

и скормит наши тела своим собакам.

– Проклятье. Гребаный ад. Гребаный, мать его, ад!

Дин продолжает бубнить, меряя шагами крошечное пространство, которое ему позволяла цепь, а затем тянется к трубе, надеясь каким-то образом ее сломать. Он дергается и напрягается, сердито рыча, и я начинаю искренне беспокоиться, что он сломает себе запястья.

– Это бесполезно, – тихо говорю я, прислоняя голову к металлическому столбу, который приковывает меня к этому кошмару. К этой тюрьме. – Мы в ловушке.

– Я не сдамся.

Я наблюдаю за ним сквозь пелену слез, пока он продолжает свои бесполезные усилия, издавая стоны и проклятия.

– Ты поранишься.

Рывок. Выкручивание. Крик. Ругательство.

– Уверен, что тебя ужасно волнует эта мысль, – ворчит он.

Я закрываю глаза и прерывисто вздыхаю. По щекам снова катятся слезы.

– Как ты думаешь, нас уже кто-нибудь ищет? – Задаю я вопрос, на самом деле не ожидая ответа – узнать его нет никакой возможности.

В конце концов Дин прекращает попытки побега, утренний свет выхватывает на его лице капли пота. Он смотрит на меня, и наши взгляды несколько мгновений прикованы друг к другу. Жестокая правда о нашем затруднительном положении больно бьет под дых.

Нас ищут.

Мы собираемся стать объектами поиска спасателей, кинологов, ищеек, новостных репортажей и ужасных документальных фильмов о криминалистике на Дискавери.

Я и Дин Ашер.

Дин с содроганием вдыхает, прислоняясь плечом к столбу.

– Знаешь, я обычно шутил, что однажды все кончится тем, что мы поубиваем друг друга, – бормочет он, пиная носком кроссовка маленький камешек. – Наверное, у меня всегда было предчувствие, что мы закончим вместе.

Я знаю, он пытается относиться к нашему испытанию легкомысленно, но его слова поражают меня. Они выбивают весь воздух из легких, пока не становится нечем дышать. Я не могу дышать.

Я сижу на холодном, жестком полу и тихо плачу, пока слезные протоки не пересыхают. Слишком измученная и слабая, у меня нет сил даже пошевелиться.

Дин начинает петь.

Мне известно, что он довольно хорошо поет. Успела послушаться за последние десять лет во время семейных вечеров караоке в доме моих родителей. Обычно я сидела на диване, скрестив руки на груди, с каменным взглядом и раздраженная звуком его глубокого, хриплого голоса.

Мэнди слушала в экстазе. А мои родители наблюдали за ним с сияющими лицами и гордостью во взгляде. Даже чер-

това собака смотрела с обожанием, виляя хвостом при каждой идеально взятой ноте. Затем все хлопали, кроме меня, а Дин кланялся, время от времени украдкой мне подмигивая. Я же показывала ему язык или мерила переполненным презрением взглядом. Мэнди толкала меня локтем в бок, а мать иногда отчитывала за грубость.

Ха! Грубость.

Оборачивать всю мою машину полиэтиленовой пленкой перед собеседованием, которое должно изменить жизнь – вот, где грубость.

Я пытаюсь не обращать внимания на звук его голоса и закрываю глаза, но нахожу хриплые мелодии странно успокаивающими. Он поет одну из моих любимых песен – «*Hey Jude*» группы The Beatles.

И каким-то образом, несмотря на страх и неуверенность, несмотря на камни, впивающиеся в бедра, и раздирающий сердце ужас, мне удастся заснуть.

Глава 3

Просыпайся, просыпайся!

Я резко просыпаюсь, на одно восхитительное мгновение кажется, что все это сон. Большой, ужасный сон.

Но надо мной нависает мужчина, его дыхание теперь пахнет табаком и грязными носками, а губы изогнуты в гротескной ухмылке.

Я определенно нахожусь в кошмарном сне, но это не тот кошмар, от которого можно проснуться в ближайшее время – и он только начался.

Я снова возвращаюсь на холодный цемент, подошвы моих туфель скребут по полу. Я пытаюсь обогнуть трубу, как будто это каким-то образом помешает маньяку до меня дотянуться, но он рывком за волосы поднимает меня на ноги. Я протестующе вскрикиваю, кожа головы горит.

– Отвали на хрен от нее! – орет Дин из противоположного угла. Используя временное отвлечение, я ударяю ублюдка коленом по яйцам. Если мне суждено проиграть, я все равно буду сражаться до последнего. Мужчина воеет от боли и отпускает мои волосы, затем сильно бьет меня по челюсти тыльной стороной ладони. Боль пронизывает всю голову, и мне кажется, что сейчас из ушей начнет вытекать мозг.

– Тупая маленькая шлюха! – рявкает мужчина, а затем плюет мне в лицо. Его слюна стекает по моей щеке, и меня

чуть не рвет.

– А ты дерзкий маленький котенок, да? – продолжает он, пальцами беря меня за подбородок и заставляя посмотреть ему в глаза.

Я плачу ему той же монетой и плюю прямо в лицо, попав в глаз. За этим последует неминуемое наказание, и я собираюсь с силами.

Мужчина замирает на целых пять секунд, совершенно шокированный моими действиями. Он вытирает слюну с глаза, пялясь на меня с непроницаемым выражением лица.

А затем начинает смеяться.

Он сгибается пополам от смеха, похрюкивая и задыхаясь, и хлопает жирными ладонями себя по коленям. Я бросаю взгляд на Дина, который наблюдает за происходящим с осторожным интересом. Он хмурится и продолжает теревить наручники.

– Котенок хочет поиграть.

Внезапно мужчина бросается на меня, разрывая мое платье прямо посередине.

Боже, нет.

– Ты ждала, чтобы поиграть с Эрлом, правда? – подначивает он, тиская жирными ладонями мою грудь под бирюзовым кружевным бюстгальтером.

Эрл. Этого ублюдка зовут Эрл.

Я отклоняю голову вбок и встречаюсь взглядом с Дином. Он беспомощно и с ужасом в глазах наблюдает, как Эрл ме-

ня лапает, словно я гребаная подопытная крыса в его извращенном эксперименте.

Эрл собирается меня изнасиловать. Меня изнасилуют, прямо здесь и сейчас, с Дином Ашером в качестве зрителя. Тошнота нарастает и подступает к горлу, но я сдерживаюсь. Из глаз текут слезы.

– Пожалуйста, не делай этого, – хнычу я, пытаюсь ногами отпихнуть его.

Эрл прижимается ко мне своим огромным, тучным телом, пригвождая к столбу, чтобы я не двигалась, пока щиплет через кружево мои соски.

– Какой симпатичный котенок... – пыхтит он, едва не капая слюной по всей моей груди.

Дин снова начинает рычать, с огромной силой ударяя цепями по трубе.

– Клянусь Богом, я убью тебя, если ты, прикоснешься к ней, ублюдок! Я найду способ выбраться и закопаю твою жирную задницу в землю!

Эрл хихикает, но не поднимает глаз. Он слишком сосредоточен на моей груди, тут же наклоняясь и просовывая мясистый язык в ложбинку.

Я кричу, извиваясь под ним, молочу острыми каблуками по его ботинкам. Но на них едва ли остаются вмятины. Ничто не остановит то, что сейчас неизбежно произойдет.

Я никогда не чувствовала себя такой беспомощной.

Эрл просовывает руки под подол моего порванного кок-

тейльного платья и скользит ими вверх по бедрам. Я с силой стискиваю ноги, пытаюсь сопротивляться и дать отпор любой ценой.

– Держу пари, у моего милого котенка красивая киска, – шепчет он мне на ухо, от его дыхания у меня сводит живот.

Я размахиваю цепями, топаю ногами, извиваюсь, корчусь и ору, пока не начинают физически болеть легкие.

– *Пожалуйста*, – умоляю я. – Отпусти нас. Мы никому не скажем, клянусь. Просто отпусти нас... – Боже мой, я веду себя как в дешевом детективном сериале. Я всегда думала, что буду более изобретательной, если окажусь в опасности. Более убедительной.

Но с этим человеком к логике взывать бесполезно. С ним невозможно никак договориться, нельзя никак обмануть, даже если тщательно все продумать. Инстинкты подсказывают мне, что он слишком далеко зашел. У него нет совести, нет души. Ни следа сочувствия, которым я могла бы попытаться манипулировать.

Эрл стягивает с меня трусики до самых лодыжек. Я напрягаюсь всем телом, делая все возможное, чтобы противостоять мерзости, которая вот-вот случится.

Дин все еще продолжает бунтовать, орет и выкрикивает красочные непристойности и пустые угрозы. Но они лишь сотрясают воздух. Эрл не обращает на него внимания.

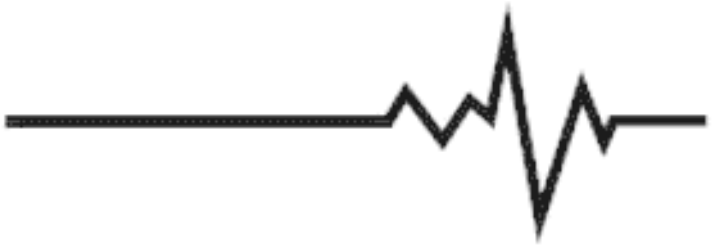
Я возвращаю взгляд к Дину, когда все остальное начинает меркнуть. Я воздвигаю стену, как защитный механизм –

ментальный блок. Полностью отключаюсь, уставившись на Дина, который изо всех сил пытается до нас добраться, в то время как Эрл уничтожает меня наилучшим из возможных способов.

– Смотри на меня, Кора. Не отводи взгляд. Слушай мой голос, – приказывает Дин, делая все возможное, чтобы удержать мое внимание. Чтобы отвлечь меня от того факта, что меня оскверняют прямо у него на глазах. – Мы отсюда выберемся, ты меня слышишь? Я собираюсь вытащить нас отсюда. Просто сосредоточься на мне. Сейчас реален только я. Здесь только ты и я, Кора. Сосредоточься, ладно? Посмотри на меня... сосредоточься на моем голосе...

Голос Дина начинает угасать, весь мой разум отключается и реальность затуманивается. Я не спускаю глаз с Дина. Он пусть и скованный, но его движения отрывисты и дерзки. Его губы продолжают шевелиться, но я больше не могу различить слов – все в тумане. Смазано. Мне кажется, что я под водой, тону, иду ко дну, растворяюсь...

Думаю, океан в конце концов нашел меня. Думаю, что мне здесь нравится.

Кап. Кап. Кап.

Я слушаю мерный звук капающей из трубы воды, пока лежу, растянувшись на жестком полу. Голова прислонена к каменной стене слева, а ноги вытянуты передо мной.

Семнадцать минут и двадцать две секунды.

Столько времени прошло с тех пор, как надо мной надругались. Использовали и бросили, как кусок ненужного хлама. Я считаю секунды, бегущие в такт каплям.

– Кора.

К мерному стуку капель примешивается голос Дина, и я медленно моргаю, мой взгляд совершенно расфокусирован.

– Кора.

Кап. Кап. Кап.

Я не двигаюсь. Я заставляю себя дышать, просто чтобы не умереть.

– Поговори со мной, Корабелла.

А что я должна сказать? Дин прекрасно знает, что произошло. На этом представлении у него было место в первом ря-

ду. Я наконец набираюсь сил, чтобы поднять голову, и смотрю на лестницу в дальнем конце подвала. Я с ужасом жду того момента, когда снова появятся эти неуклюжие черные ботинки – прелюдия к новому акту ужасов.

– Ты в порядке?

Наконец, Дину удастся привлечь мое внимание, и я заставляю себя посмотреть вправо. Дин сидит спиной к своей трубе, полностью повернувшись ко мне, его руки скованы за спиной. Я поднимаю взгляд от его вересково-серых кроссовок к растрепанным темно-каштановым волосам на макушке. Они начинают завиваться чуть ниже его ушей. Я помню, как Мэнди жаловалась, что у него слишком отросли волосы, и она собиралась сама их подстричь.

Я с трудом сглатываю.

– Все в порядке.

Обычно лжец из меня никудышный, поэтому я впечатлена, насколько честной сейчас прозвучала. Конечно же, это была неправда. Это величайшая ложь, которую я когда-либо произносила.

И Дин отлично это видит.

– Ничего не в порядке. Ты можешь поговорить со мной.

Я безотчетно приподнимаю брови, продолжая лениво оценивать его взглядом. В какой-то момент он остался без куртки, так что теперь на нем только голубая футболка, подходящая к его глазам, и выцветшие джинсы.

– Я могу с тобой поговорить? – С моих губ слетает хрип-

лый смешок. Горло саднит от долгих бессмысленных криков. – Потому что мы очень хорошие друзья, правда?

Я замечаю, как он хмурится и на его лице появляется выражение негодования.

– Я единственный друг, который у тебя сейчас есть, – натянуто произносит он.

– Я бы предпочла быть одна. – Еще одна великолепная ложь.

Мне не хочется быть одной. Но Дин здесь, и он мне не особо нравится, поэтому я собираюсь выместить на нем весь свой страх и боль. Сейчас это единственное, что я могу контролировать.

В этом моя единственная сила.

– Послушай, – продолжает Дин, его голос тихий и надломленный. – Знаю, между нами существуют проблемы, но нам нужно работать вместе. Как только мы выберемся отсюда к чертовой матери, ты можешь продолжить меня ненавидеть, но сейчас стоит вопрос жизни и смерти, Корабелла. Пересиль гребаную обиду, которую ты ко мне испытываешь, и давай соберемся с мыслями.

– Не называй меня так. – Я отвожу глаза, опуская подбородок.

Язвительный смех наполняет мои уши.

– Ну конечно, это единственное, что ты слышала. – Краем глаза я вижу, как он качает головой, затем ударяет наручниками по трубе, и я подпрыгиваю на месте. – Ты разбудила

меня посреди ночи, чтобы я приехал забрать твою задницу, хотя мы уже *предлагали подвезти тебя домой!* Но я все равно приехал, потому что хочешь верь, хочешь нет, Кора, но ты мне чертовски небезразлична. Мы собираемся стать семьей.

От его слов глаза вновь застилают слезы. Забавно, не думала, что во мне еще что-то осталось.

– Я приехал за тобой почти в два гребаных часа ночи, и в итоге оказался здесь! Прикованный к чертовой трубе, в ожидании того, что этот мудака для нас приготовил. И теперь ты вымещаешь на мне свою злость?

– Меня только что *изнасиловали!* – шиплю я сквозь стиснутые зубы, мой голос повышается, но тут же срывается. – Изнасиловала отвратительная свинья! Ты хоть представляешь, на что это похоже? – С моих губ срывается горький смешок, и я отворачиваюсь. – В данный момент я не в состоянии иметь с тобой дело.

Он на мгновение замолкает, переваривая мои слова, а затем выдает:

– Я же сказал тебе – ты можешь поговорить со мной.

– Я не хочу с тобой разговаривать! Ты мне не нравишься!

– Прекрасно! – Дин недовольно ворча хлопает по своим цепям. – Черт подери! Я всего лишь пытаюсь помочь.

Я всхлипываю, стараясь не дать слезам пролиться.

– Может быть, если бы ты начал помогать пятнадцать лет назад, проявлять небезразличие к моей персоне, как ты выразился, – я была бы более склонна к откровениям. Но ты

только и делал, что дразнил меня, причинял мне боль и унижал. У меня нет причин тебе сейчас доверять. – Моя грудь тяжело вздымается, тоска смешивается с долгими годами сдерживаемой горечи и обжигает изнутри.

Дин долго обдумывает мой ответ. Единственные звуки, нарушающие тишину между нами, – это наше дыхание и каплющая вода из трубы. Затем он шаркает подошвой кроссовки по грязному полу и смотрит на меня с другого конца подвала.

– Это всегда было нашей фишкой, – бормочет он. – Я закидывал тебя грязью, а ты отвечала мне тем же.

– У меня никогда не было выбора, – возражаю я. – Я запрограммирована защищаться рядом с тобой. Мой меч всегда обнажен и готов к бою.

– Потому что это весело.

– Ничего веселого не вижу. Ты вел себя по отношению ко мне *отвратительно*.

Я пронзаю Дина испепеляющим взглядом, и он отводит глаза. Дин снова шаркает подошвой, и тихий шорох по песку в пустом помещении кажется очень резким. Это раздражает.

– Тогда я был козлом, – наконец отвечает он, все еще глядя в сторону. – Я был глупым подростком. Но теперь все по-другому. Я доставал тебя, потому что ты никогда не оставалась в долгу, и это безвредные козни, в этом все *мы*. – Дин смотрит в мою сторону своими пронзительными голубыми глазами. – Ты не можешь отрицать, что тебе нравятся наши

мелкие пакости, подколы и все те глупости, которые мы друг другу устраиваем.

Мой ответ быстрый.

– Не нравятся.

– Ты врешь.

– Я не вру, Дин. Мне не нравится, когда до меня докапываются. Не нравится всегда быть рядом с тобой начеку, думая, какое очередное тупое дерьмо ты собираешься выкинуть. – Я делаю эффектную паузу, позволяя обдумать свои последние слова. – Или гадая, как ты собираешься испортить мои следующие отношения.

В его глазах мелькает нечто, чему не могу дать название. Это не чувство вины или раскаяния. Но и не удовлетворение.

– Неважно.

Я вскидываю брови, ожидая, что он продолжит, а не просто отмахнется от меня.

– И это все?

Это все, что ты можешь сказать о той роли, которую сыграл в прекращении моих четырехлетних отношений?

– Ага. Неважно.

Я чувствую, как в груди лесным пожаром распространяется пламя, обжигая шею, уши и следом язык.

– Ты чертов придурок! – Я всем телом разворачиваюсь влево, пытаюсь отодвинуться как можно дальше от Дина Ашера. Я вжимаюсь в стену и закрываюсь в собственной ментальной тюрьме.

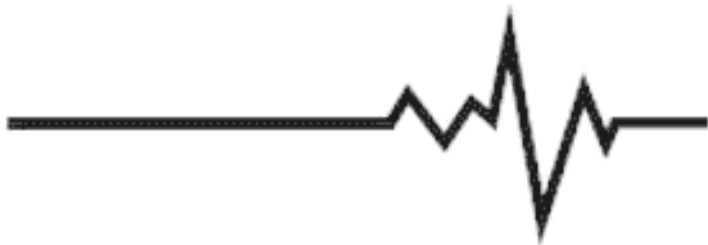
Я слышу, как сзади вздыхает Дин, и не уверена, что это значит.

Затем он бормочет себе под нос:

– Я единственный придурок, который в твоём распоряжении.

Я была не права.

Лучше остаться одной.

Невозможно сказать, сколько проходит времени, но солнце, похоже, садится, потому что в пыльном окне над нами приглушенный свет приобретает оранжевые тона. Я представляю, как освобождаюсь от наручников и взбираюсь на стену, решительно бью кулаком в окно и протискиваюсь через узкое отверстие. Я высвобожусь, и мне будет плевать, где я окажусь.

Где угодно лучше, чем здесь.

Мы с Динем не разговаривали с момента нашей ссоры, которая, должно быть, произошла несколько часов назад. Вскоре после этого он заснул, прислонившись спиной к трубе и

склонив голову на плечо. Он выглядит умиротворенным, и я время от времени ловлю себя на том, что разглядываю его. Я завидую, что он сейчас где-то в другом месте. Снова заснуть не получилось – каждый раз, закрывая глаза, я чувствовала на щеке мерзкое дыхание похитителя, пока он меня насиловал.

А еще мне очень хочется писать, и я не знаю, что с этим делать. Что нам теперь, ходить в туалет под себя? Неужели посадить нас на цепь, как животных, насиловать и издеваться над нами для этого больного ублюдка недостаточно? Я стискиваю бедра, зная, что скоро у меня не будет другого выбора, кроме как облегчиться. Мои щеки горят огнем от одной лишь мысли об этом.

Я думала, что должна сейчас остро чувствовать голод, но вместо него пустота в животе вызывает тошноту. *Хотя, чего бы я только не отдала за стакан воды...*

Я мечтаю о том, как пью ледяную воду, и от этого у меня еще больше ноет мочевого пузыря. Я делаю глубокий, успокаивающий вдох.

В этот момент дверь подвала распахивается, и грязные ботинки со стальными носками топают к нам. Этого достаточно, чтобы тут же разбудить Дина. Я слышу, как позвякивают его цепи. Я забиваюсь еще глубже в угол, съеживаясь при мысли об ужасах, которые снова нас ждут.

– Перерыв на горшок! – объявляет Эрл, подтягивая штаны цвета хаки на свой выпирающий живот.

Я сажусь прямо, охваченная проблеском надежды. Мой мочевого пузырь начинает танцевать счастливый танец, что не совсем хорошо, учитывая, что он вот-вот лопнет.

– Ты позволишь нам воспользоваться уборной? – Я ерзаю на месте и встречаюсь взглядом с Дином, который уже стоит. Его взгляд скользит в мою сторону, затем возвращается к Эрлу.

– По одному зараз. Никаких фокусов, или я засуну свой пистолет тебе в глотку и буду смотреть, как ты раскрашиваешь мои стены в красный. – Эрл вытаскивает пистолет из-за спины и размахивает им для пущей убедительности. – Не хочу, чтобы тебя размазало по всему этажу. Дурно пахнет и портит кайф, понимаешь?

Кайф? Господи. Наша боль и ужас – для него это *кайф*.

Но я не показываю своего отвращения, опасаясь, что он передумает. Я киваю и медленно поднимаюсь, ноги ослабли и дрожат, пытаюсь выдержать мой вес.

– Спасибо.

Эрл раздражается хохотом, приближаясь ко мне и засовывает пистолет обратно за пояс брюк.

– Не благодари меня, котенок. Ты все равно умрешь.

Мой взгляд устремляется на Дина. Уверена, что я сейчас побледнела так, что похожа на привидение, а зеленые глаза потускнели и стали серыми. Он смотрит на меня в ответ, выглядя таким же обреченным и обезумевшим от страха, а затем закрывает веки и тяжело сглатывает.

Эрл нависает надо мной и отстегивает мои путы, громко побряхтывая. Я не могу не думать о попытке побега. Может быть, если я смогу получить преимущество, выхватив его пистолет или украв из ванной острый предмет, то тогда получится его одолеть. Но как только эта мысль проскакивает у меня в голове, наручники ослабевают, а к виску прижимается дуло пистолета. Наручники прикреплены к цепям, которые соединены с металлическими кольцами в стене, и они с грохотом и эхом ударяются о цемент.

– Только выкинь какую-нибудь глупость, и можешь распрощаться со своей хорошенькой головкой.

Эрл тычет пистолетом мне в лицо, пока я массирую натертые запястья. Я стягиваю на груди разорванное платье и стараюсь хоть как-то прикрыться, крепко обнимая себя руками.

– Не буду.

– Хорошо. Может быть, в конце концов, тебя будет легко натренировать. – Эрл смотрит на Дина, который, стиснув зубы, с подозрением наблюдает за нами. – Ты следующий, красавчик. Не волнуйся.

Мы с Дином встречаемся взглядами, прежде чем крепкая рука толкает меня вперед, и я чуть не спотыкаюсь на своих шпильках.

– Кора...

Я оглядываюсь через плечо по пути к лестнице. Дин дергает свои цепи, как будто пытается до меня дотянуться. Его глаза полны беспокойства и смущения. Тот же самый взгляд

я видела, когда он разговаривал со мной во время худшего момента в моей жизни, пытаясь утешить меня единственным доступным ему способом.

Наши взгляды задерживаются мгновением дольше, и я прикусываю нижнюю губу. Но мне в спину тут же упирается холодное оружие, подталкивая вверх по ступенькам.

Я не могу не размышлять над словами Дина, пока меня ведут по маленькому дому с оливково-зеленым ковром и старыми стенами.

«Хочешь верь, хочешь нет, Кора, но ты мне чертовски небезразлична».

Глава 4

В этот вечер он больше меня не насилует, что служит небольшим утешением.

В подвале становится темно, так темно, что все вокруг меня исчезает. Глазам требуется много времени, чтобы привыкнуть и разглядеть очертания Дина, примостившегося напротив и прислонившегося к своей трубе. Должно быть, уже далеко за полночь, значит, сегодня понедельник – а это значит, что если люди до сих пор не подозревают о нашем исчезновении, то скоро начнут. Я редко звоню на работу, сказываясь больной, и уж точно никогда не пропадаю. Это непременно удивит и встревожит моих коллег и начальство.

А Дин – уважаемый сотрудник профсоюза, занимающийся дорожным строительством. Он работает в первую смену. Люди определенно начнут задавать вопросы, когда он сегодня не появится.

Дин скользит ногами по полу, привлекая мое внимание, несмотря на то что я его толком не вижу. Я слышу, как он вздыхает, пытаюсь устроиться поудобнее.

– Ты не спишь?

Его голос – утешение. Я и не подозревала, что нуждаюсь в нем.

– Ага.

Я раскачиваюсь вперед-назад, слегка постукивая затыл-

ком по трубе и пальцами босых ног по полу. Когда Эрл привел меня обратно из туалета, я сбросила туфли. Перерыв, к сожалению, оказался недолгим – он затолкал меня в крошечную уборную, сунул в руки огромную футболку, от которой пахло им, и приказал мне переодеться. Я вылезла из своего изорванного платья и заменила его белой футболкой, сделала свои дела, почистила зубы розовой зубной щеткой, которую он оставил для меня, и несколько минут спустя вышла к нему в коридор. Он протянул мне сэндвич с индейкой и стакан воды и сказал, что у меня есть три минуты, чтобы поесть. Он засек время.

Затем потащил меня обратно в подвал, пристегнул наручниками к столбу и проделал то же самое с Дином.

С тех пор он не возвращался.

Я щурюсь сквозь пелену темноты, пытаюсь разглядеть очертания Дина. Похоже, что он сидит лицом ко мне, вытянув ноги. Интересно, видит ли он меня лучше, чем я его? Я прокашливаюсь и облизываю верхнюю губу.

– Я солгала тебе, – говорю я ему, мой голос хриплый от слез, воплей и жажды.

Дин что-то тихо мычит, а затем отвечает:

– Насчет чего именно?

– Я бы не предпочла остаться одной.

Наступает долгая пауза. Оглушительная тишина.

Я покусываю внутреннюю сторону щеки, гадая, ответит ли он когда-нибудь. Мне не на чем сфокусировать взгляд,

поэтому я просто смотрю в темную бездну и жду.

В конце концов Дин вздыхает.

– Тот факт, что он накормил нас и дал воды, немного радует. Это значит, что он собирается еще какое-то время поддержать нас.

Я бросаю взгляд в его сторону, застигнутая врасплох смежной темой. Хотя меня это вполне устраивает. Я бы предпочла не погружаться в чувства, обиды и историю отношений. Мне просто хочется, чтобы он это знал. По какой бы то ни было причине... Мне хочется, чтобы он знал.

Я киваю, хотя он и не может меня видеть.

– Наверное. Но он все равно собирается нас убить, я в этом уверена.

– Может быть. Но по крайней мере у нас есть несколько дней, чтобы что-то придумать. Нам нужен план.

План. Что можно придумать здесь, в подвале, связанными и прикованными к стене?

Мысли разбредаются, и я не могу не вспомнить о последнем нашем совместном «плане». Два года назад моя мать назначила нас обоих ответственными за вечеринку-сюрприз в честь двадцать восьмого дня рождения Мэнди. Ей хотелось, чтобы она выдалась особенной.

Это была первая ошибка моей матери: она думала, что из нашей с Дином Ашером совместной работы может получиться *что-то* особенное.

– Что такое?

Я вздергиваю подбородок при звуке его голоса, прорывающегося сквозь мои грезы.

– Что ты имеешь в виду?

Мне кажется, я вижу, как он пожимает плечами.

– Ты притихла. Обычно это означает, что ты глубоко задумалась или придумываешь изощренное оскорбление в мой адрес.

Я смотрю прямо на него, и почти уверена, что мы оба беззастенчиво друг на друга пялимся. Но поскольку наверняка сказать невозможно, взгляд не отвожу.

– Я думала о том хаосе, который мы устроили на вечеринке Мэнди пару лет назад, и о том, что любой наш совместный план вряд ли хорошо сработает.

Его смех пугает меня, потому что он искренний. Я этого не ожидала.

– Ты определенно приложила руку к приглашениям, – сообщает он мне, как будто мы не поднимали эту тему миллион раз.

– Врешь. Ты никогда не признаешься, верно? Я специально назначила тебя ответственным за приглашения, потому что ты больше знаком с ее окружением. Кроме того, на мне уже висели кейтеринг, торт и диджей.

– Я отвечал за алкоголь. И был явно перегружен ответственностью, а потому испытывал массу стресса.

Я скептически вскидываю брови.

– Мне все еще непонятно, почему твоя мама просто не

позволила нам создать мероприятие в Facebook², как делают большинство, – заканчивает Дин.

В ответ я стону и закатываю глаза. Хотя на нашу вечеринку никто не пришел, потому что *кто-то* забыл разослать приглашения, у нас все равно выдался незабываемый вечер китайской еды навынос и фильмов ужасов у камина. На моем лице расплзается ностальгическая улыбка.

– По крайней мере, она смогла отпраздновать этот год, прежде чем... – Мой голос срывается, и я отвожу взгляд. Беззаботная атмосфера рассеивается, и к нам возвращается реальность нашего положения. Я подтягиваю ноги к груди и прижимаюсь щекой к коленям. – Я собираюсь попытаться уснуть. У меня такое чувство, что все, уготованное нам завтра, морально меня истощит.

Я содрогаюсь при воспоминании об Эрле у меня между ног, крадушем мою веру в человечество. Я уверена, что свет в моей душе полностью погаснет, если когда-нибудь наступит конец этому кошмару. Нет пути назад к моему прежнему «я».

Мои слова оставляют в воздухе холодок дурного предчувствия, и Дин шепчет мне в темноте:

– Спокойной ночи, Кора.

У меня перехватывает дыхание.

² Деятельность социальной сети запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (согласно ст. 4 закона РФ «О средствах массовой информации»).

– Спокойной ночи.

Мимо протекают минуты. Я их считаю.

Шесть минут и тридцать пять секунд.

Здесь слишком тихо, а значит, что мысли в моей голове слишком шумные и беспокойные. Мозг отказывается отдыхать, но я совсем его не виню. Я проглатываю свою гордость, еще сильнее утыкаясь лицом в колени.

– Дин?

– Да?

Я облизываю губы и закрываю глаза. Поверить не могу, что прошу его об этом, но в темноте легче быть уязвимой...
а еще когда тебе нечего терять.

– Можешь мне спеть?

Живот сводит от волнения, и я задаюсь вопросом, не слишком ли интимна моя просьба.

Чересчур смело. Возможно, я прошу слишком много от того, кто мне даже не друг. Но раньше меня уже убаюкал звук его хриплого голоса, поющего мою любимую песню, а я отчаянно нуждаюсь в нескольких часах покоя. Мне нужно хотя бы во сне сбежать из этой клетки.

Несколько мгновений Дин молчит, и я переживаю, что он собирается игнорировать мою просьбу. Отшить меня. Я уже решаю извиниться и пойти на попятную, сказать ему, чтобы он забыл об этом, но он наконец отвечает:

– Есть пожелания?

Меня окутывает облегчение, и тело расслабляется.

– Можешь снова спеть «*Hey Jude*», если хочешь. Это моя любимая.

– Знаю, – тихо отзывается он.

Он знает? Мы никогда раньше не обсуждали друг с другом наши любимые песни. Меня никогда не интересовали никакие его предпочтения, и я предполагала, что это взаимно. Но, наверное, когда ты знаешь человека пятнадцать лет, нравится он тебе или нет, ты обязательно заметишь какие-нибудь детали.

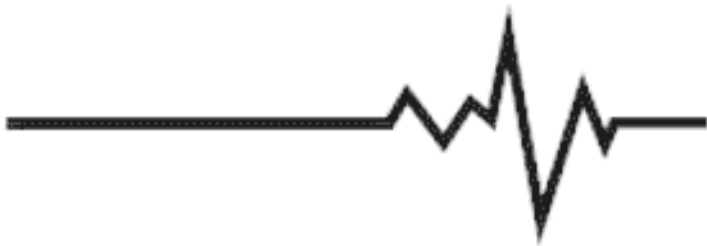
Когда его голос прорезает темноту и прогоняет тишину красивой мелодией, я почти мгновенно погружаюсь в себя. Это что-то знакомое. Что-то прекрасное. Что-то хорошее, за что я могу зацепиться, впитать в себя и раствориться. Уткнувшись в колени, я напеваю строчки вместе с ним, пока сон в конце концов не берет верх и не уносит меня прочь.

Мне снова снится океан.

Вода плещется у моих ног, притягивая меня, словно магнит. Манит своей глубиной и таинственностью. Соблазняет своей живительной силой.

Я прыгаю в воду.

И уплываю прочь.

Не успеваю я опомниться, как лицо начинает ласкать луч света, и я просыпаюсь. Шея затекла и болит, и я почти кричу от боли, когда поднимаю голову с колен. Я инстинктивно пытаюсь поднять руку, чтобы помассировать затылок, но наручники тут же звякают о трубу и отказывают мне в этой привилегии – зловещее напоминание о моем затруднительном положении.

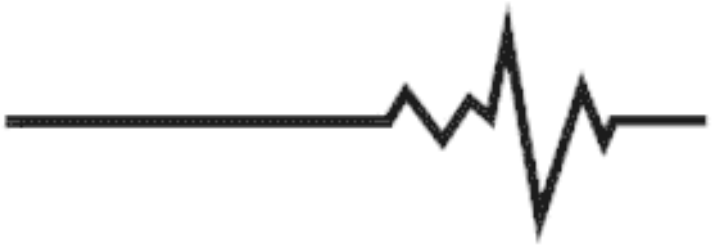
О моем аде.

Я наклоняю голову из стороны в сторону, затем приоткрываю веки и вижу, что Дин наблюдает за мной из своего угла с едва заметной улыбкой на губах. Я корчу кислую рожицу.

– Ты наблюдал, как я сплю?

В ответ он пожимает плечами, от чего цепи позвякивают.

– У меня уж точно нет дел поважнее, – язвит он. Его странная легкая улыбка не исчезает.

Странно ее видеть, учитывая нашу ситуацию. Я не думаю, что способна улыбаться – по крайней мере, пока с меня не снимут цепи, и я не буду свободна.

Но... наступит ли когда-нибудь эта свобода?

Я отгоняю гнетущие мысли, выпрямляю ноги и потягиваюсь, морщась от протеста затекших мышц. Пол под моими босыми ногами холодный и твердый, что усугубляет дискомфорт. Я поднимаю глаза на Дина. Его улыбка исчезла, но во взгляде все еще сквозит мягкость, пока он за мной наблюдает.

– Как тебе спалось? – спрашиваю я у него. Я уже знаю ответ, но не знаю, что еще сказать – наш ассортимент тем для разговора довольно скуден.

Ждешь ли с нетерпением сегодняшний перерыв на горшок? Готов наблюдать, как меня насилуют? Как думаешь, как скоро найдут наши тела?

Я съеживаюсь от собственных нездоровых мыслей и сглазываю, отгоняя их прочь.

– Не так хорошо, как тебе, – отвечает Дин. В его глазах проскакивает огонек, отблеск улыбки, по которой я уже ску-чаю. – Ты дрыхла, как убитая.

– Еще и слюнки пускала, да?

– Твой секрет в надежных руках.

Я почти улыбаюсь. *Почти*. Но вместо этого опускаю под-бородок, поджимаю губы и смотрю на свои нежно-розовые ногти на ногах. Мы с Мэнди в пятницу после работы сдела-ли педикюр, готовясь к вечеринке на выходных. Я понимаю, что сегодня ее настоящий день рождения. Моя сестра, ско-рее всего, обнаружит, что два ее самых любимых человека пропали... в ее день рождения.

С днем рождения, сестренка. Я купила тебе Fitbit³.

Интересно, читает ли Дин мои мысли, потому что он скло-няет голову набок, изучая меня почти с нежностью.

– Она с нетерпением ждала сегодняшнего рожка с моро-женым, – говорит он мне, и в его голосе слышатся странные нотки.

Слезы обжигают мне глаза и текут по щекам. Я прикусы-ваю губу. Мы с Мэнди всегда отмечаем наши дни рождения рожком мороженого в кафе в центре города. Мы обменива-емся нашим тайным рукопожатием, делаем селфи перед вхо-дом и съедаем мороженое, сидя на качелях в соседнем пар-ке. Эта традиция родом из детства, когда еще наши родители водили нас в кафе. День рождения Мэнди в ноябре, поэтому

³ Fitbit – умный браслет.

часто мы сидим на заснеженных качелях и кутаемся, как эскимосы, ловя странные взгляды прохожих.

Но нам это нравится.

И нет другого места, где бы я предпочла сейчас оказаться.

Я шевелю пальцами ног. От воспоминаний по щекам тихо скатываются слезы. Я стираю их плечами и пытаюсь сделать успокаивающий вдох.

Дин все еще, словно в кино, наблюдает за моими эмоциями.

– Ты получишь свой рожок мороженого. Обещаю тебе.

Я не знаю, почему он так добр ко мне. Это смущает и сбивает с толку, и я не знаю, как реагировать. Мы созданы для борьбы – стальных мечей, тяжелых доспехов и слов, которые жалят и проливают кровь. Ослабить бдительность – ужасно похоже на капитуляцию.

Не зная, что сказать, я просто бросаю на него хмурый взгляд.

Дин побежденно опускает глаза на шиферно-серый пол. Когда он снова решается на меня посмотреть, огонек в его глазах потух, сменившись витавшей внутри этих четырех стен растущей безнадежностью.

– Здесь, внизу, я тебе не враг, Корабелла. – Его слова обретают непривычное влияние, потому что продолжают меня обезоруживать.

– Я не умею видеть в тебе кого-то другого, – признаюсь я.

Он смотрит на меня пристально, не дрогнув, заставляя

меня отвести взгляд. У него снова загораются глаза, и он отвечает:

– Потому что это весело.

– Нет.

Во мне снова просыпается инстинкт защиты, и я благодарна за это. Потому что так легче.

Удобно.

Не весело.

– Какая же ты лгунья, – повторяет он. – И упрямица.

Я прищуриваюсь, глядя на него, и стискиваю зубы до скрежета, как обычно бывает перед боем с Дином Ашером. Скрещиваю ноги в лодыжках и прислоняюсь спиной к трубе.

– У тебя определенно извращенное представление о веселье, – парирую я.

Дин проводит языком по небу и набирает воздух в легкие, готовясь уложить меня на лопатки. Я почти чувствую, как его кинжал вонзается мне в грудь. Он склоняет голову набок, голубые глаза сверкают.

– Помнишь, как в город приехал мой приятель из колледжа и хотел пригласить меня куда-нибудь выпить? Ты сказала ему, что я был тайно в него влюблен.

Вот черт.

– Потом ты подсунула мне гребаную Виагру перед нашим уходом, и мне пришлось весь чертов вечер в баре прикрывать салфеткой свой стояк. Но я почти уверен, что парень это заметил, потому что с тех пор я ничего о нем не слышал,

и он удалил меня из друзей на Facebook⁴. – Дин ястребом наблюдает за моей реакцией. – Ты не можешь мне сказать, что тебе не нравилась эта хрень.

Проклятье. Я полностью выдаю себя, когда мои губы растягиваются в улыбке. Это моя первая улыбка за последние дни. Уже не знаю, злиться и нападать на него или продолжать улыбаться.

Но Дин уже убежден, что победил.

– Так и знал.

Я отворачиваю голову в сторону, пытаюсь скрыть улики, но ущерб уже нанесен. Он видит меня насквозь.

Нас прерывает отвратительное вторжение.

Тук. Тук. Тук.

Стук ботинок отдается по всему телу еще до того, как их хозяин достигает подножия лестницы. Я поднимаюсь на ноги, в то время как сердце протестующе колотится в груди. Я уже дрожу – трясусь от страха. Дин медленно встает, его взгляд все еще прикован ко мне, но в нем нет той игривой искорки, которую я видела всего несколько секунд назад.

Я хочу ее вернуть.

– Доброе утро, малыши, – здоровается с нами Эрл, одетый в нечто вроде черного рабочего поло, которое едва заправилось в брюки, обтянув большой живот. – Как поживает мой

⁴ Деятельность социальной сети запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (согласно ст. 4 закона РФ «О средствах массовой информации»).

котенок? – Взгляд его темных глаз перемещается на Дина. – И грязный пес.

Я с трудом сглатываю.

– Мы хотим вернуться домой.

Из его глотки вырывается хриплый смех, и на лицо летят брызги слюны.

Я сдерживаю рвотный позыв.

– Вы дома. Теперь я ваш хозяин, – говорит Эрл, как только приступ веселья проходит. – Котенок готов играть?

Нет, нет, нет.

Эрл расстегивает пряжку ремня и наступает на меня с тошнотворным, полным похоти взглядом. Я начинаю медленно пятиться, отбрыкиваясь и качая головой в знак протеста.

– Ты больной убудок... Тебе это никогда не сойдет с рук! – кричит Дин, дергаясь на цепях вперед. На его шее вздуваются и пульсируют вены. – Когда я отсюда выберусь, то превращу тебя в кучу собачьего дерьма, если ты еще раз дотронешься до нее. Я обещаю тебе это!

Эрл издает смешок, ничуть не обеспокоенный угрозой.

– Не ревнуй, песик. И до тебя очередь дойдет.

Какого черта? Я резко поворачиваю голову в сторону Дина, вдруг подумав, что он тоже может подвергнуться мерзкому надругательству Эрла. *О боже.* От этой мысли у меня сводит живот.

– Сделай со мной то, что тебе хочется. Оставь ее в покое.

От слов Дина узел нервов внутри меня затягивается еще сильнее. Почему этот человек бросается ради меня на рас-терзание волкам?

Он меня ненавидит. Я его ненавижу.

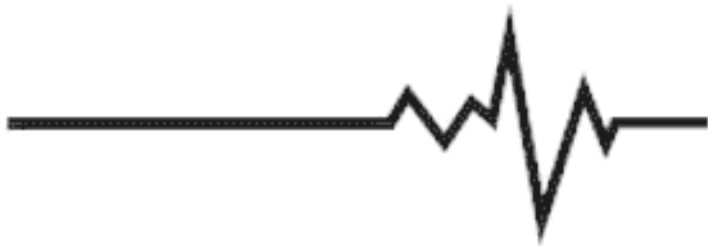
Но у меня нет времени разбираться в этой путанице, по-тому что Эрл задирает подол моей футболки и ласкает мою обнаженную грудь своими потными ладонями.

– Нет... пожалуйста, – шепчу я. Мой голос слабый, а борьба тщетна. Тело все еще отчаянно и изо всех сил противится прикосновениям Эрла, но в конце концов я обмякаю и цепенею, ища глазами Дина.

Дин разговаривает со мной точно так же, как и в прошлый раз.

– Смотри на меня, Кора. Сосредоточься на мне. Все это не реально. Есть только я и ты.

Я снова погружаюсь под воду и позволяю себе утонуть.

– Мне холодно.

Солнце садится, и наш единственный источник света на-

чинает гаснуть. Холод пробирает до костей. Я не знаю, то ли дело в моей обнаженной коже на холодном цементе, то ли действительность острыми сосульками вонзается в тело и замораживает кровь в венах.

Уверена, что причина и в первом, и во втором.

Я лежу, прислонившись к трубе, вялая и парализованная. Последние сорок восемь часов, наряду со всеми предстоящими долгими, полными дурных предчувствий часами, наложили на меня свой отпечаток. Я морально истощена.

И очень-очень замерзла.

Дин тоже выглядит бледным и изможденным, но он весь день разговаривал со мной, рассказывая всякие истории и пытаясь поднять мне настроение. Я обнаруживаю, что в присутствии его альтер эго мои защитные каменные стены рушатся.

Он смотрит на меня с сочувствием, пробегая взглядом по моим голым ногам. Мышцы на его челюсти напрягаются.

– Я говорил правду, – сообщает он мне, его тон угрожающий и жесткий. – Я вытащу нас отсюда. И собираюсь убить его за то, что он с тобой сделал.

Не знаю, что ответить на такое смелое обещание, поэтому натягиваю фальшивую улыбку, которая не касается моих глаз.

– Ты действительно думаешь, что мы отсюда выберемся? – робко спрашиваю я.

– Уверен в этом.

Я понимаю, что Дин никак не может знать наверняка и говорит так только для того, чтобы обнадежить меня, но позволяю словам проникнуть сквозь трещины в моей броне. Я цепляюсь за них со всей оставшейся силой.

Не успев ответить, я вижу, как Дин начинает скидывать обувь. Одна кроссовка за другой, он помогает носком левой ноги высвободить правую. Затем наоборот. Сняв обувь, он подталкивает ее ко мне и остается в носках.

– Они, наверное, воняют, как шкафчик в спортзале, но зато теплые. Должно немного помочь.

Наши взгляды встречаются, и мы на мгновение застываем. Между нами ощущается незнакомая нежность. Я поджимаю губы, мой взгляд мечется между кроссовками и смущенным выражением лица Дина.

Он одаривает меня улыбкой, очень ласковой, и я удивляюсь. Такие эмоции в нашей ситуации даются нелегко.

– Я бы отдал тебе и носки, если бы у тебя был способ их надеть.

Может, именно это и видела моя сестра все время.

«Он не так уж плох, Кора. Просто дай ему шанс. Он порядочный парень».

Раньше я смеялась Мэнди в лицо, потому что Дин никогда не показывал мне свою «порядочную» сторону. И я никогда не понимала почему.

«Потому что это весело».

«Это безвредные козни, в этом все мы».

«За тобой не заржавеет отомстить, Корабелла».

– Спасибо, – говорю я. А день клонится к закату, и солнечный свет гаснет.

В тот вечер я засыпаю, встревоженная и потерянная, поверженная и использованная.

Но крошечный огонек надежды все еще теплится во мне. Запрятанный очень глубоко, он упорно пытается пробиться на поверхность.

Но, прежде всего, мне тепло.

Глава 5

Дни проходят медленно и мучительно, но они проходят. Мы все еще живы. Я цепляюсь за этот факт.

Чтобы скоротать время, мы с Дином играем в «Двадцать вопросов». Он выигрывает с перевесом в два тура, что меня раздражает. Я учитель и проигрываю... тем более Дину. Но виню в этом недостаток питания и трагичные обстоятельства.

Меня насилуют ежедневно.

Но теперь это ожидаемо, поэтому необузданный, ослепляющий ужас притупляется настолько, насколько это возможно. У меня все лучше и лучше получается отстраняться и отключать эмоции. Душа словно на время покидает тело. Каждый раз Дин со мной разговаривает, и когда я отключаюсь его голос становится утешением на дне моего сознания.

Каждый день около пяти вечера, когда Эрл возвращается с работы, у нас перерыв на туалет. Нам разрешается почистить зубы, затем мы едим сэндвичи из белого хлеба с индейкой и майонезом, и выпиваем полный стакан воды. А потом нас отправляют обратно в нашу тюрьму, приковывают к соответствующим местам и заставляют пережить еще одну ночь в темноте.

Дин поет мне перед сном каждую ночь, и это единственное, чего я жду с нетерпением.

Возьмите грустную песню, и вам станет лучше.

Глава 6

Солнце встает уже седьмой раз. Мы здесь неделю, а все еще не приблизились к свободе. Мы ничуть не преуспели в поиске выхода из этого варварского подвала, чтобы вернуться домой.

Дом.

Порой я забываю, как он выглядит.

Я пытаюсь представить себе лавандового цвета стены моей спальни, эркер и старинное зеркало, которое досталось мне по наследству от бабушки. Это старомодный маленький домик площадью всего в тысячу двести квадратных футов с двумя спальнями, но он *мой*. Ради него я надрывала задницу и пустила в нем корни.

В данный момент я на стадии изучения местных приютов для животных, чтобы завести собаку – уже год это желание первое в моем списке, но всегда казалось, что время неподходящее. Прошлую субботу я потратила на осмотр пушистых мордочек и чтение милых собачьих биографий, чтобы сузить поиск идеального компаньона. Все же я нашла двух претенденток, и все они взывали ко мне своими печальными глазами и трогательными историями.

Жасмин и Баффи – на этих двух я собиралась посмотреть в воскресенье. Я распечатала их фотографии и прикрепила к холодильнику, взволнованная предстоящими большими пе-

ременами в жизни.

Ну ладно, перемены я получила. Просто не те, какие вообще можно было ожидать.

И в глубине души я благодарна, что дома меня не ждет домашнее животное, которое гадает, куда я запропастилась и хочет от меня того, чего я не могу теперь дать.

Теперь я – домашнее животное.

Дин снова откинул голову на трубу, но его взгляд устремлен на меня, пока я мечтаю о двух собаках, с которыми мне так и не довелось познакомиться.

– Пенни за твои мысли?

Я подтягиваю ноги и сажусь по-индейски лицом к нему, бросив на него взгляд.

– У тебя нет ни гроша. Нечестная сделка.

Он молча смотрит на меня, а затем его губы растягиваются в слабой улыбке.

– Тогда назови свою цену.

– Тебе нечего предложить. Мои мысли чрезвычайно дороги, ты же знаешь.

– Даже не сомневался. – У Дина ярко горят глаза, насколько это возможно, учитывая пережитую нами неделю. Он склоняет голову набок, поджимая губы и обдумывая сделку. – Хорошо, Корабелла. Мысль за мысль.

Я повышаю ставки.

– Как насчет признания за признание?

Он заинтересованно выгибает бровь, а на губах расцвета-

ет улыбка.

– Это может быть весело. – Подмигивает он мне. – И опасно.

– Опасно? – Я прикусываю внутреннюю сторону нижней губы, а внутри зарождается позабытое ощущение предвкушения веселья. – Какого рода признания ты имел в виду? «*Я надул разносчика пиццы*» или настоящую исповедь священнику с десятью молитвами «Радуйся, Мария» и актом покаяния?

Дин издает хриплый смешок, потом ерзает, подтягивая колени к груди, и пожимает плечами.

– Я бы ни за что не обманул разносчика пиццы. Непростительно. – Он обдумывает мой вопрос, все еще склонив голову набок и разглядывая меня. – Определенно второй вариант. Давай исповедуемся друг перед другом.

Я пристально смотрю на него в ответ, ломая голову в поисках того, что хотя бы отдаленно было достойным исповеди. Честно говоря, я не так уж интересна. Я плачу налоги, ежу с предельно допустимой скоростью, и никому ничего не должна. Я никогда не жульничала и не воровала. И я всегда вешаю рулон туалетной бумаги правильно, чтобы листок отрывался снизу.

– Ладно. Но я немного скучновата, так что тебе придется начать первым. Вдруг ты вдохновишь меня на что-то грязное и непристойное, похороненное глубоко в моем подсознании.

– Хорошо. – Выражение лица Дина становится более се-

рзным, а взгляд задумчивым, пока он тщательно подбирает слова признания.

За последнюю неделю его щетина превратилась в короткую бородку. Темные волосы обрамляют подбородок и линию челюсти, придавая Дину более brutальный вид. Мэнди же не нравилась небрежность в его образе, когда он иногда отпускал скромную бородку. Она говорила, что так он похож на горца. В то время я не обращала на него особого внимания, но теперь, когда его лицо – единственное, на что мне остается смотреть, должна признать, что не согласна со своей сестрой. Это мужественно. Brutально.

Может быть, немного сексуально, если бы лицо не принадлежало Дину Ашеру.

Проходит еще несколько минут, и неизвестность убивает меня. Он смотрит на меня так, словно сомневается, стоит ли ему шокировать меня своим откровением. Возможно, жалеет о нашей затее.

– Я жду, Дин.

У него вырывается вздох.

– Ну хорошо. Ладно. – Он смотрит мне в глаза, и его радужки кажутся еще голубее. – Изначально у меня к тебе что-то было.

Что?

Я давлюсь воздухом. Начинаю кашлять и отплевываться, и приходится заставить себя отвести от него взгляд.

– О чем ты говоришь?

Дин прикусывает губу, снова равнодушно пожимая плечами.

– До того, как я начал встречаться с Мэнди. Это был первый год старшей школы, и ты вошла в класс мистера Адилмана в той коротенькой джинсовой юбке и фиолетовом блейзере. Длинные золотистые волосы, и в них какая-то заколка с цветком. Я тогда подумал, что ты самая красивая девушка из всех, что я видел.

Сердце вытанцовывает Макарену, а челюсть отвисает, как в смешном мультфильме. Кажется, я потеряла дар речи, что для меня несвойственно, но все слова растерялись, и даже дыхание резко остановилось. Дин выглядит немного удивленным, наблюдая за мной с расстояния в несколько футов. В ожидании ответа он блуждает по мне взглядом.

Однако я не отвечаю. Я определенно забыла родной язык.

– Твоя очередь, – наконец произносит Дин, его голос нежный и мелодичный.

Я медленно подбираю слова к своим мыслям, затем качаю головой.

– Очередь все еще твоя. На сто процентов твоя очередь. О чем ты вообще говоришь? Тебе подсыпали наркотики в сэндвич с индейкой?

Дин смеется, скользя носками по полу и вытягивая свои длинные ноги.

– Я думал, что унесу эту тайну с собой в могилу, – признается он с усмешкой. – Но не мог позволить тебе продолжать

думать, что я тебя ненавижу. Это очень далеко от истины.

– Конечно, ты можешь меня дурачить. Ты способен одурачить кого угодно. Почему ты вел себя по отношению ко мне как настоящий придурок?

Его ухмылка сползает.

– Я же говорил тебе. Я был подростком, а именно так себя ведут глупые парни, когда им нравится девушка. Достают ее.

– Я никогда этого не пойму.

– Да, это глупо, – соглашается он. – Потом мы оба выросли, но строить друг другу козни просто стало сутью наших с тобой отношений. Пути назад не было. – Дин смотрит на меня почти понимающе. – И можешь отрицать это сколько угодно, но ты бы не хотела ничего менять.

Я стискиваю зубы, во мне бурлят эмоции. Я не знаю, как относиться к признаю Дина. Мне просто не верится. Оно идет вразрез с моим представлением о нас.

Я проглатываю еще несколько вопросов и решаю сменить тему. Вызванное Дином потрясение *действительно* напомнило мне об одной пикантной подробности моей жизни.

– Я потеряла девственность с мистером Адилманом.

Он тарашится на меня.

– Какого хрена?

Я морщу нос, не очень гордясь этим фактом.

– Мне было девятнадцать. Случайно встретились друг с другом в баре – мы с Мэнди тогда только получили поддельные удостоверения личности. Он подвез меня домой, слово

за слово, и... – Я чувствую, как щеки краснеют от воспоминаний, десять лет рьяно хранимых в тайне. – Уверена, дальше ты и сам все понял.

Дин громко выдыхает, позвякивая наручниками.

– Черт, Кора. Ты отдалась своему школьному учителю английского? Мэнди говорила, что твоим первым был Брэндон.

При упоминании Брэндона у меня тут же начинает дергаться глаз. Мои первые долгосрочные отношения и огромный источник разногласий между мной и мужчиной, который сейчас у меня перед глазами.

– Я никогда никому об этом не рассказывала. Даже Мэнди. – А затем я сужаю глаза, и во мне вспыхивает раздражение на собственную сестру. – Поверить не могу, что она рассказывает тебе о моих сексуальных похождениях. Фу.

– Она рассказывает мне все.

Я фыркаю на него.

– Твоя очередь.

Дин приоткрывает губы, собираясь заговорить, но колеблется. Его взгляд стекленеет, а на лице появляется маска неуверенности. Я вижу, как он сглатывает, и мне интересно, чем еще он может меня удивить.

– Э-э... это насчет Брэндона.

Я застываю.

– Что насчет Брэндона?

Дин явно нервничает, раскачивая ступнями из стороны в

сторону. Затем ловит мой взгляд и отвечает:

– Он изменял тебе, Корабелла.

Я тупо смотрю на него, не уверенная, правильно ли слышала.

– Повтори?

– Он тебе изменял. Я наткнулся на него возле «Весла», когда он сосался с какой-то шлюхой. Пришлось слегка его помять и велеть, чтобы он порвал с тобой, или я расквашу ему лицо.

Я продолжаю пялиться.

– Я знал, что это тебя уничтожит, поэтому велел ему свалить все на меня. Ты все равно уже меня ненавидела. Лучше так, чем позволить тебе ненавидеть себя или заставить считать себя недостаточно хорошей для этого придурка.

Все еще пялюсь.

Дин глубоко вздыхает, на мгновение закрывая глаза, а затем снова ловит и выдерживает мой пристальный взгляд.

– Скажи что-нибудь, Кора.

Я открываю рот, чтобы ответить, но вырывается только сдавленный писк. Правда, льющаяся из уст Дина, поражает меня. Не знаю, злиться ли мне из-за того, что я три года тосковала по изменщику, думая, что Дин испортил мои отношения только из желания мне насолить, или быть тронутой попыткой Дина защитить меня своим собственным извращенным способом.

Я собираюсь сказать ему, что пятнадцать лет думала, что

недостаточно хороша для него – для его дружбы. Для его уважения. Для его хорошего отношения ко мне. Но не успеваю произнести ни слова, потому что по скрипучим ступенькам подвала снова стучат ботинки Эрла, и меня ждет седьмое изнасилование подряд. Мы с Динем поворачиваемся к ублюдку-садисту, который надвигается на нас с дьявольской ухмылкой.

– Сегодня у меня для моих малышей припасено несколько новых трюков, – сообщает нам Эрл, хлопая в ладоши и потирая ладони.

О боже. Что еще он может для нас придумать? Пытку? Содомию?

Я чувствую тошноту.

Я жду, что он подойдет ко мне, как обычно делает каждое утро перед работой, но вместо этого он подходит к Дину. Я встаю на ноги, чувствуя, как от тревоги сводит живот.

Эрл рычит Дину:

– Ты готов немного повеселиться, мой грязный пес?

Я начинаю греметь цепями, меня тошнит от одной только мысли.

– Нет! Отвали от него.

Дин остается сидеть с невозмутимым лицом.

– Пошел на хрен.

– О, это не то, о чем ты думаешь. – Эрл вскидывает руки вверх, качая своей круглой головой и хрипло смеясь. Вдруг он вытаскивает пистолет и приставляет дуло ко лбу Дина. –

Я не гомик. А теперь встань, малыш.

Дин встает. Мы обмениваемся озадаченными взглядами, оба в замешательстве. Оба измученные неизвестностью.

– Сейчас я тебя сниму с цепи, – сообщает Эрл, продолжая с силой прижимать дуло пистолета к голове Дина. – Одно неверное движение, и я разнесу тебя на куски. Найду новую собачку для своего котенка. Ты меня слышишь?

Дин кивает.

– Хорошо. – Эрл достает ключ из кармана и освобождает руки Дина. Я смотрю, как наручники падают на пол, а Дин потирает свои опухшие запястья, ожидая дальнейших распоряжений.

Эрл отступает на три шага и несколько мгновений молчит, следя, чтобы Дин не мог сделать никаких резких движений. На его толстом красном лице появляется хитрая улыбка, и от этого вида тревога во мне растет и клоочет еще сильнее. Что бы он ни задумал, ничего хорошего это не сулит.

Удовлетворенно, протяжно вздохнув, Эрл озвучивает свои намерения:

– Трахни ее.

Воздух покидает мои легкие. Комната начинает вращаться.

Я смотрю на Дина, который в шоке и заметно бледнеет на моих глазах.

– Что? – переспрашивает Дин, его голос едва ли громче натянутого шепота.

Эрл хихикает, его глаза-бусинки наполнены злобой.

– Я что, невнятно разговариваю? – Он направляет пистолет на меня, затем снова целится в Дина. – Трахни. Ее.

Дин, не веря своим ушам, качает головой. Он в крайнем ужасе.

– Нет.

– Нет? – повторяет Эрл.

– Нет.

– Тогда ты умрешь. Три, два, од...

– Нет! – вскрикиваю я. – Нет, нет, пожалуйста. Дин, просто сделай это. – У меня тяжело вздымается грудь от невозможности происходящего.

Этого не может быть. Это не может происходить на самом деле, черт побери.

Дин смотрит на меня, и его округлившиеся глаза полны противоречий. Жилки на висках пульсируют от сдерживаемой ярости.

– Я не поступлю так с тобой. Лучше умереть, – отвечает он. И он говорит серьезно. Клянусь Богом, он говорит серьезно.

Эрл хватает Дина за футболку спереди и тащит его ко мне, пистолет прижат к его груди.

– Котенок этого хочет. Уже мурлычет от желания.

Дин едва не падает, когда его толкают ко мне, но успевает удержаться за мгновение до столкновения с моим лицом. Мы впиваемся друг в друга отчаянными взглядами, когда нас на-

сквозь, до мозга костей пробирает реальность, ужасающая правда происходящего. Я чувствую исходящее от Дина тепло, когда он тянет ко мне руки, чтобы прикоснуться, в самый первый раз.

Он кладет ладони мне на плечи, слегка сжимая.

– Я не могу, Кора. Позволь ему убить меня. Пожалуйста.

– Прекрати. – Слезы наполняют мои уставшие глаза, и я инстинктивно прижимаюсь к Дину в поисках желанного тепла. Больше контакта. – Я не позволю тебе умереть. Просто покончи с этим.

Лучше ты, чем он.

Хотя я вряд ли могла бы произнести это вслух.

Дин опускает руки, его пальцы впиваются в мои предплечья. Он опускает голову и тяжело, с болью выдыхает.

– Черт...

– Давай, Ромео. У Эрла сегодня много дел. У тебя есть еще минута, прежде чем я начну терять терпение и стану злиться.

Мы оба смотрим на Эрла, затем снова друг на друга. Зрительный контакт оказывается для меня невыносимым, поэтому я отворачиваю голову вправо. По моим испачканным щекам катятся слезы.

– Кора. – Тон Дина настойчив. Тихий, но пронизанный напряжением. Он берет мой подбородок своими грубыми пальцами и заставляет меня поднять взгляд. – Кора, посмотри на меня.

Боже. Слезы текут сильнее. Я приоткрываю рот, и взгляд

Дина падает на мои губы. На горле дергается кадык. Затем Дин наклоняется ко мне.

О, нет. *Нет, нет, нет.* Он собирается поцеловать меня.

Я снова отворачиваю голову в сторону, уклоняясь от поцелуя.

– Нет, – шепчу я срывающимся голосом, пряди моих волос липнут к мокрым щекам. – Не превращай это в то, чему здесь нет места.

Дин прерывисто втягивает воздух и останавливается. Он слегка кивает, сообщая мне, что понимает, а затем тянется к одному из моих скованных запястий. Между нами воцаряется замешательство, и я хмурюсь. Он начинает массировать большим пальцем точку, где у меня бьется пульс. Его взгляд все еще прикован ко мне.

– Ты чувствуешь это?

Я с трудом сглатываю. В моем пересохшем горле ком, и он болезненно скатывается ниже.

– Да, – выдыхаю я. Жест немного успокаивающий, несмотря на обстоятельства.

Дин продолжает круговые движения, почти любовно касаясь моего запястья.

– Сосредоточься на этом. Закрой глаза и отключись. Я хочу, чтобы единственное, что ты чувствовала, – это мой большой палец на твоём запястье.

Мне еще сильнее хочется плакать. Плакать, потому что я напугана, измучена, мне больно, и я унижена. Мне хочет-

ся плакать, потому что я не могу поверить в происходящее. Хочется плакать, потому что жених моей сестры, мужчина, которого еще неделю назад я ненавидела, собирается трахнуть меня, в то время как актер из цирка уродцев дрочит в нескольких футах от нас.

Хочется плакать, потому что это отвратительно, просто ужасно, но Дин все равно пытается хоть чем-то мне помочь.

Я опускаю подбородок и крепко зажмуриваю глаза, кивая в знак согласия. Дин вздыхает, и его вздох волной прокатывается по моему телу. За этим следует звук расстегивающейся пряжки ремня, и его брюки падают на холодный цемент.

Момент разрывает знакомый хриплый голос.

– Да, вот так. Трахни ее хорошенько и жестко.

Я крепче зажмуриваюсь, пытаюсь отсеять все, кроме ощущения большого пальца Дина на чувствительной коже моего запястья. Его движения нежные и плавные. Не прерывающиеся. Что бы он ни делал другой рукой – боже, я не хочу этого знать, – мое внимание целиком на запястье. Я делаю прерывистый вдох, долгий и медленный.

– Что с тобой не так, черт подери? – рывкает Эрл с другого конца подвала. – Она горячая штучка. Трахни ее наконец.

Я вздрагиваю от пронзительного звука его голоса, и распахиваю глаза. Приближаюсь к лицу Дина. Он смотрит на меня пустыми глазами.

– Все в порядке. Просто сделай это, – успокаиваю я его, желая поскорее покончить с этим. Желая свернуться кала-

чином от стыда и плакать, пока не усну.

Навсегда.

Дин стискивает зубы, у него раздуваются ноздри.

– Не думаю, что смогу.

Эрл снова нас прерывает.

– Что, черт возьми, с тобой происходит? Ты играешь за другую команду?

Дин поворачивает голову и выплевывает через плечо в ответ:

– Я не мерзкий психопат, который получает удовольствие, насилуя женщин. Я на подобное не способен.

А потом дуло пистолета упирается Дину в висок, и я вскрикиваю.

– Это не поможет, – вскипает Дин, по его темным волосам стекают капли пота. Он пытается сохранять спокойствие, но я вижу страх в его глазах. Я чувствую его запах.

– У тебя есть три секунды, чтобы сообразить, что поможет, или твои мозги окажутся на этой сучке до тех пор, пока она мне не надоест, и я не закопаю ее костлявую задницу в землю.

У меня вырывается сдавленный всхлип, и я гремлю цепями, отмечая, что Дин продолжает держать мое запястье. Я не знаю, что еще сказать, поэтому выпаливаю:

– Поцелуй меня.

Он смотрит на меня встревоженным взглядом светло-голубых глаз, налитых кровью.

– Поцелуй меня, Дин, – повторяю я. – Пожалуйста.

Обстоятельства определенно не способны быстро привести его в нужное Эрлу «настроение», так что, возможно, немного вынужденной близости не помешает. Я перевожу взгляд на пистолет, который медленно удаляется от головы Дина. Я не могу сдержать крошечного вздоха облегчения.

Дин слегка приоткрывает рот, его взгляд скользит к моим потрескавшимся губам.

Он снова смотрит на меня, как бы спрашивая: *ты уверена?*

Я быстро киваю, проглатывая страх, вкус которого физически ощущается на языке.

– Я хочу, чтобы ты это сделал.

Когда он наклоняется, я резко втягиваю воздух, мои глаза закрываются в предвкушении. Я тихонько вздыхаю, когда наши губы соприкасаются, и Дин делает то же самое. Я говорила ему не превращать это в то, чего быть не может, но, наверное, мы *должны* притворяться. Может быть, это единственный способ справиться. Я чувствую, как его язык ищет вход в мой рот, и подчиняюсь. Подаюсь всем телом вперед, чтобы прижаться к нему сильнее, и открываю рот шире, поощряя его.

– Закрой глаза и отключись, – выдыхаю я в жар его губ, повторяя его собственные слова. – Сосредоточься на нашем поцелуе.

Мои слова, кажется, каким-то образом его приободряют,

и Дин обхватывает правой ладонью мое лицо, в то время как другой рукой продолжает размеренно кружить по моему запястью. У каждого из нас есть свои демоны. И свои методы выживания. Его прикосновение, мой поцелуй. Поцелуй, который становится все глубже и глубже, овладевает нами, маскируя этот момент, немного приукрашивая отвратительную реальность. Мой язык – это его вуаль, его черный плащ.

Но он также и его топливо. Не успеваю я опомниться, как Дин скользит рукой по моей щеке, затем талии, бедру и наконец нежно раздвигает мне ноги. Я чувствую, как кончик его члена прижимается к моему входу, и все становится слишком реальным. Я издаю звук, который даже не могу описать – похожий на писк котенка. Вызванный всепоглощающим неверием в происходящее, током, пронзающим все мое тело.

– Прости меня. – Он отстраняется от моего рта и утыкается лбом мне в шею, когда толкается внутрь. – Мне ужасно жаль.

Круг, круг, круг.

В левую сторону, затем в правую. Медленно, осторожно и ласково. Вверх и вниз.

Очерчивает линии вен. Как искусство.

Я могу притвориться, что это нечто прекрасное.

Дин снова тянется к моим губам. Его член заполняет меня, двигаясь внутрь и наружу торопливыми толчками. Он кажется большим и толстым, в отличие от мерзкого Эрла, который только вчера вторгся в мое тело.

Круг, круг, круг.

Наши языки борются, отчаянно пытаюсь стереть все происходящее – все, что уже произошло. Просто все. Правой рукой Дин задирает мою ногу и прижимает к своему бедру. Его пальцы впиваются в мою ягодицу, слегка сжимая при каждом толчке. Вперед, назад. Вперед, назад.

Круг, круг, круг.

Я слышу, как неподалеку тяжело дышит вонючий монстр, постанывая от удовольствия при виде этого зрелища. Гребаного развлечения с нами в главной роли.

Круг, круг, круг.

Мне нужно сосредоточиться. Мне нужно отключиться от Эрла, этого подвала и запаха неминуемой смерти в воздухе.

Дин.

Есть только Дин.

И не имеет значения, что он внутри меня, пронзает меня, вырывая тихие вскрипы из глубины моего горла. Он здесь. Он жив. Мы оба живы.

Мы вместе во всем этом.

Он продолжает целовать меня, движения языка все более неуклюжи, толчки ускоряются, а тело напрягается. Он собирается кончить.

Круг, круг, круг.

Я не открываю глаз. Я не хочу видеть его лицо в этот момент – не хочу становиться свидетелем его удовольствия. И это не потому, что я злюсь или обвиняю. Я завидую. Зави-

дую, что он способен найти уголок радости, удовольствия, подлинного блаженства посреди нашего общего кошмара. Да, мы вместе, но на мгновение – на несколько ослепительных секунд – мы окажемся в разных мирах.

Дин скользит ладонью вверх по моему бедру и сжимает мою голую задницу. Но при этом большой палец не прекращает двигаться на запястье. словно неустанный шепот извинений.

Круг, круг, круг.

И затем Дин достигает пика удовольствия. Пытаясь скрыть свой стон, он утыкается лицом в изгиб моей шеи. Охватываемый волнами оргазма, он цепляется за меня, крепко обнимает, как пылкий любовник. Но это не так. Я всего лишь пешка в игре Эрла. Мы оба пешки.

Дин глубоко вздыхает и у него тут же перехватывает дыхание.

– Мне жаль. Прости меня. Мне очень жаль, – повторяет он, снова и снова. Его захлестывает отчаяние. Эйфорию сменяет раскаяние, и моя зависть исчезает. Я чувствую, как его горячие слезы капают мне на ключицу.

Но Эрл напоминает нам о том, где мы находимся и почему мы здесь. Как будто такое возможно забыть.

– Это было чертовски красиво. Я так мощно кончил, аж звезды перед глазами, – рычит он, от его хриплого смеха мне хочется плевать.

Дин все еще внутри меня, смягчается, но пока не может

меня покинуть.

Может быть, он все еще притворяется.

Я не виню его.

– Время вышло, любовничек, – рывкает Эрл.

В нос проникает отвратительный запах потного, немытого тела. Я наконец открываю глаза, чтобы увидеть, как он приближается к нам со своим пистолетом в руках. Дин выскальзывает из меня, но левой рукой не отпускает запястья. Правая же опускается с моей задницы на бедро. Он продолжает держать меня, продляет прикосновение так долго, насколько возможно. Я чувствую, как он поднимает голову с моего плеча, но всем телом поворачиваюсь в сторону, не в силах смотреть ему в глаза. Пока нет.

Может быть, никогда.

– У нас тут не романтическое утро после ночи любви, тупой ублюдок. Убирайся на хрен в свой угол, пока я тебе бошку не разнес.

Голос Эрла обжигает, и я чувствую потерянность и холод. Но ничто так не опустошает, как то, что Дин отпускает мое запястье и отступает. Кожа все еще помнит его прикосновение, я чувствую отголоски движений по линии вен. И Дин никогда не узнает, какой большой след они оставили в моей душе. Запястье покалывает и ноет, требуя продолжения.

Когда я наконец отваживаюсь взглянуть в сторону Дина, его штаны вновь застегнуты, а Эрл приковывает его к трубе.

Мы вернулись на наши прежние позиции.

Но когда по внутренней стороне бедра стекает теплая и липкая жидкость, а слезы Дина смешиваются с потом на моей коже, я знаю, что мы изменились.

Мы никогда больше не будем прежними.

Глава 7

– Дин.

Его имя, слетевшее с моего языка, громким надсадным эхом разносится по тихому помещению, и все же Дин притворяется, что не слышит меня. Он не двигается, не моргает и даже не вздрагивает. Он просто сидит, прислонившись к своей трубе и отодвинувшись от меня как можно дальше.

– Дин, – повторяю я. Ничего.

Я вздыхаю, низко опускаю голову и закрываю глаза. Наверное, прошел час с тех пор, как... ну, с тех пор, как это произошло. Он вернулся в свой темный угол и замкнулся в себе.

Он не сказал мне ни слова. Он даже не взглянул на меня.

– Пожалуйста, можешь поговорить со мной? – снова прошу я. Я не представляю, как проведу остаток дня вдали и изолированно от единственного человека, который понимает мое состояние.

Наконец, Дин поводит плечами с тихим мычанием.

Хоть какой-то признак жизни.

– Я не злюсь, Дин. Тебя заставили это сделать, и я пони...

– Я не могу, Кора. Пожалуйста.

Печаль в его голосе практически убивает меня. Впервые в жизни он выглядит поверженным.

– Не отгораживайся от меня. Самой мне не справиться. –

На последнем слове у меня перехватывает дыхание. В груди больно от желания сохранить нашу едва зажегшуюся связь.

Он – все, что у меня есть.

Дин медленно качает головой, опуская взгляд в пол.

– Я даже смотреть на тебя не могу.

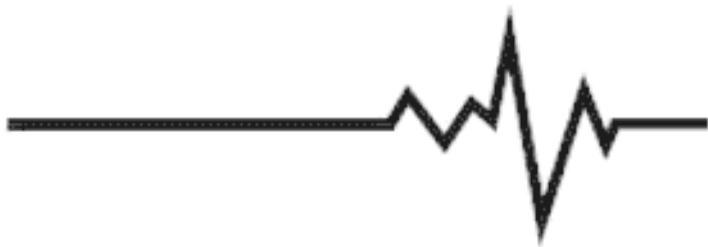
Я судорожно втягиваю ртом воздух. В данный момент мне до него не достучаться. Он потерян среди своих собственных демонов, сожалений и сомнений.

Но я действительно не злюсь. Дину приставили пистолет к голове, и наши жизни висели на волоске. Был лишь один выход, и я уговорила его им воспользоваться.

Ну, может быть, немного чувствую опустошение.

Я закрываю глаза и ложусь на спину, заставляя себя дать ему уединение, в котором он нуждается. У нас будет время все обсудить – когда он придет в себя.

У нас только и есть, что время.

Наступает вечер, и наш естественный ночник гаснет.
Прошло уже несколько часов. Часов.

А Дин все еще отказывается со мной разговаривать.

Тишина становится невыносимой, поэтому я решаю ее нарушить, пока мы сидим одни в темноте – по-настоящему *одни*.

– Я собиралась завести собаку, – шепчу я в темноту. Дина почти не видно с моего места, но я различаю легкое движение, сообщившее мне, что он не спит. – Ты хотел знать, о чем я думала. Я думала о двух собаках, с которыми мне так и не удалось встретиться в прошлое воскресенье. Интересно, в какую из них я бы влюбилась?

Тишина.

Мои слова напряженно повисают в воздухе, одинокие и болезненно игнорируемые. Я подтягиваю колени к груди и кладу между ними подбородок. Шевелю пальцами ног в серых кроссовках Дина, которые мне слишком велики. Но в них тепло и уютно, а именно этого я так отчаянно жажду, особенно сейчас.

Я закрываю глаза и шепчу:

– Спокойной ночи.

В эту ночь Дин так мне и не отвечает. Он не поет.

Я же то проваливаюсь в беспокойный, мучительный сон, то вынырываю из него, скучая по звуку голоса Дина.

Глава 8

Десять лет назад

– Дин, останови машину!

Посреди оживленного заснеженного перекрестка лежит раненая собака. Она брыкается, наполовину переворачивается и съезживается от страха каждый раз, когда мимо проносится машина, забрызгивая ее грязной жижей и оставляя замерзать до смерти.

– Черт бы тебя побрал, Корабелла, ты в своем уме? На улице метель, а мы уже на двадцать минут опаздываем к завтраку.

Мэнди оживает на пассажирском сиденье и выворачивает шею, чтобы посмотреть на меня из-под своих идеально подведенных бровей.

– В чем дело? Ты забыла свою сумочку? – спрашивает она меня.

Я качаю головой, отстегиваю ремень безопасности и наклоняюсь вперед, указывая пальцем в лобовое стекло.

– Там собака. Она ранена.

– Мы не можем остановиться, сестренка, – настаивает Мэнди, ее взгляд останавливается на животном. – Это слишком опасно. К тому же бабушку, вероятно, удар хватит от беспокойства, почему мы опаздываем.

– Можем позвонить в службу контроля за животными, ко-

гда доберемся до ресторана, – предлагает Дин.

Мэнди кивает и поднимает свой смартфон.

– Могу даже прямо сейчас позвонить, если тебе от этого станет легче.

– Ты серьезно? Бедняжку, вероятно, сбила машина. И на нее снова наедут! – возмущаюсь я, в груди клокочет страх. – Останови машину, Дин.

– Здесь негде остановиться...

– Ладно. Выйду здесь. – Я тянусь к дверной ручке, как бунтующая идиотка, опьяненная адреналином и необходимостью спасти животное.

– Господи, подожди. – Дин съезжает на обочину оживленной дороги под скрип дворников на ветровом стекле, торопливо раскидывающих комья снега.

Машина едва успела остановиться, как я рывком распахиваю заднюю дверь, натягиваю шапку на уши и морщусь. От ледяного ветра у меня перехватывает дыхание. Мимо проносится машина, и я отскакиваю назад, задаваясь вопросом, не слишком ли глупая эта идея. Я прокладываю себе путь по шести дюймам мокрого снега и останавливаюсь на краю дороги, оглядываясь по сторонам. Сейчас час пик, так что движение плотное. Море фар выхватывают тяжелые снежинки, и у меня кружится голова. Я решаю рвануть вперед, думая, что, вероятно, окажусь быстрее машин, поднимающихся на холм. Я выбегаю на шоссе, мое сердце бьется где-то в горле, а в висках торопливо стучит разгоряченная кровь. Чуть

не поскользываюсь на льду, но добираюсь до средней полосы целой и невредимой, не обращая внимания на рев клаксонов. Добравшись до безопасного места, я наклоняюсь, чтобы перевести дыхание.

Собака лежит на животе, прижавшись мокрым, дрожащим телом к асфальту.

– Эй, привет. Я здесь, чтобы помочь. Я тебя не обижу. – Я снимаю варежки и засовываю их в карманы пальто. Затем протягиваю пальцы, медленно и ласково, наблюдая, как песочного цвета собака осторожно приближается, чтобы обнюхать меня. – Вот так. Очень скоро ты будешь в безопасности и тепле.

Я подаюсь вперед, пытаюсь ухватить собаку за загривок, но вдруг подскакиваю от резкого возгласа.

– Чертова идиотка! Да что, черт подери, с тобой не так?

Я поворачиваю голову и вижу Дина, несущегося ко мне по снегу с разъяренным выражением на лице. Под моим недовольным взглядом он натягивает на голову капюшон.

– Кроме тебя?

– Остроумно, Корабелла, – бурчит он. – Ты собралась себя угробить?

– Тогда, полагаю, у тебя сегодня счастливый день.

– Может, хватит?

Мы оба смотрим на собаку, которая сейчас пытается подняться и убежать, вероятно, напуганная Дином и его грубым поведением.

– Ты ее пугаешь, – ругаю я его. – Я сама разберусь.

Дин фыркает себе под нос, и вырвавшийся из его рта воздух при соприкосновении с холодом Среднего Запада тут же превращается в струйку пара.

– Как ты собиралась затащить ее в машину? Ты и сюда едва добралась, чуть не устроив аварию. А животное весит по меньшей мере пятьдесят фунтов.

Ну...

На самом деле, я об этом даже не думала.

– Отвали от меня. Сама справлюсь. – Я бросаю взгляд через двухполосную дорогу и вижу круглые глаза Мэнди, наблюдающей за нами из машины. – Уверена, моя сестра сходит с ума, когда тебя нет на расстоянии вытянутой руки.

– Она переживет. А вот ты – сомнительно, – парирует Дин, повышая голос, чтобы перекрычать вой ветра и шум проезжающих мимо автомобилей.

– Это ты сомнительный, – огрызаюсь я. Но, похоже, это мой самый слабый выпад в его сторону за сегодня. Обвиним во всем холод. Я придвигаюсь поближе к собаке, в которой угадывается помесь золотистого ретривера, и лепечу какую-то ласковую чушь, чтобы попытаться завоевать доверие этой собаки в разгар выюги посреди дороги в утренний час пик.

– Я ее заберу, – вмешивается Дин, протискиваясь мимо меня и устремляясь к испуганному животному с нулевой грацией и деликатностью.

– Дин!

– Иди-ка сюда, приятель!

Он надвигается на собаку, и та пытается броситься наутек.

Она резко выскакивает на две противоположные полосы и чуть не устраивает аварию из четырех машин.

Во мне вспыхивают паника и гнев, пока я с отвисшей челюстью наблюдаю за действиями Дина.

– Посмотри, что ты натворил! Я же сказала, что сама справлюсь!

– Дьявол, – бормочет он себе под нос. Я собираюсь сказать что-то обидное, но внезапно Дин бросается через дорогу в образовавшуюся прогалину между машинами и бежит за собакой по заснеженному оврагу. Я же остаюсь стоять на разделительной полосе, разрываясь от клокочущих в груди нервов. Мне не видно ни Дина, ни собаки. Машины замедляют ход, чтобы поглазеть на меня – дрожащего, засыпанного снегом подростка, стоящего посреди перекрестка. Я постукиваю ногой по мокрому асфальту, снова надевая варежки, чтобы согреть замерзшие пальцы. Я наблюдаю и жду, от нарастающей тревоги сдавливая грудь.

Наконец, я их вижу. Дин тащится вверх по крутому оврагу, неся на руках пятидесятифунтовое животное. У меня вырывается вздох облегчения, и тело расслабляется – до тех пор, пока Дин не бросается сломя голову через шоссе, не замечая несущуюся прямо на него машину с выключенными фарами.

– Дин! – кричу я, привлекая его внимание как раз вовремя. Машина чуть не сбивает его.

Я наблюдаю, как он закрывает глаза и глубоко вдыхает, вероятно переваривая тот факт, что чуть не погиб. Затем без приключений добирается до разделительной полосы и бросает на меня свой фирменный хмурый взгляд.

Он запыхался, а щеки порозовели от морозного ветра.

– Я тебя искренне ненавижу, Корабелла.

Но я не могу сдержать расплывающуюся на моих губах улыбку.

– Ненавижу тебя еще больше.

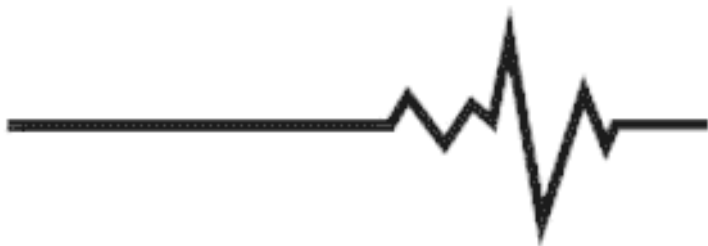
Мы благополучно добираемся до машины, и Дин позволяет собаке запрыгнуть ко мне на заднее сиденье. Я устраиваюсь поудобнее, пытаюсь согреться, и улыбаюсь до ушей, когда она утыкается носом прямо мне в колени, как будто отныне это ее самое любимое место в мире. Собака протяжно вздыхает и расслабленно кладет морду мне на бедро. Наконец-то в безопасности.

– Я нарекаю тебя Вьюгой, – объявляю я пушистой собаке со спутанной шерстью и вывихнутой лапой. – Маме с папой лучше позволить мне тебя оставить.

Когда Дин заводит машину и выруливает обратно на главную дорогу, я ловлю его взгляд в зеркале заднего вида. Клянусь, в его светлых глазах мелькает непривычная эмоция – что-то сродни нежности. Что-то, чего я прежде не видела.

Но она исчезает так же быстро, как и появилась, а на ее ме-

сто возвращается коварный огонек. Я показываю ему язык.
Он показывает мне средний палец.

Восьмой день встречает нас теплыми, мандариновыми лучами солнца. Разительный контраст с мрачным, сумеречным чувством отчаяния, поселившимся в моем сердце.

Восемь дней.

Кажется, что прошло гораздо больше. Как будто целая жизнь пролетела.

Интересно, когда я совсем потеряю счет дням и все смажется в один затянувшийся, бесконечный кошмар?

Я бросаю взгляд на Дина и с удивлением обнаруживаю, что он снова на меня смотрит. Он выглядит уставшим и изможденным. Щеки впали, под глазами темные круги. Золотисто-бронзовая, здорового цвета кожа приобрела мелово-белый оттенок. Он весь резко изменился всего за двадцать четыре часа.

Но глаза по-прежнему самые голубые на свете, и они прикованы к моим.

Я собираюсь сказать ему «доброе утро», спросить, как он спал, завести праздную беседу, но Дин заговаривает первым.

– Ты бы забрала обеих, – произносит он.

Его голос надтреснутый, а я глупо моргаю, переваривая ответ. Мне требуется больше времени, чем обычно, чтобы осмыслить его слова. Возможно, это из-за того, что я тоже замучена. Но еще часть меня сомневалась, что Дин когда-нибудь снова со мной заговорит. Я сглатываю, в горле спазм.

– Ты бы забрала обеих собак, потому что твое сердце слишком велико только для одной.

Я думала, что слишком устала и обезвожена для новой порции слез, но удивляюсь сама себе, когда глаза начинают затуманиваться. Я не отрываю своего помутившегося взгляда от Дина, боясь разорвать этот контакт, боясь, что он снова замкнется в себе и оставит меня совсем одну. Я слегка улыбаюсь. Затем отвечаю таким же хриплым голосом:

– Никогда бы не подумала, что ты замечал мое сердце.

Это серьезное заявление, и мне грустно, что оно правдиво.

Осунувшееся лицо Дина кажется еще более уставшим после того, как до него доходит смысл моих слов.

– Такое невозможно не заметить, Кора.

Наконец я опускаю взгляд и подтягиваю колени к подбородку. Я больше не слышу, как капает вода из трубы, и лениво задаюсь вопросом, неужели на улице так холодно, что трубы замерзли. Холодный фронт должен был пройти еще

на прошлой неделе.

Молчание становится слишком тягостным, и тогда я снова поднимаю взгляд на Дина. Он все еще не сводит с меня глаз. Все таких же невыразительных.

– Кто мы друг другу? – вслух размышляю я. Я не ожидала, что эти слова вырвутся наружу, но они мучили меня уже несколько дней. Дин всегда занимал очень специфическое место в моей жизни. Дин – засранец. Дин – тупой парень моей сестры. Дин – мой смертельный враг.

Но...

– Ты больше не кажешься моим врагом, – заканчиваю я. Теперь ты для меня скорее, как спасательный круг.

Я наблюдаю, как он слегка хмурит брови, испытующе разглядывая меня. Секунды пролетают и превращаются в минуты. Наши взгляды то блуждают друг по другу, то сталкиваются. Блуждают и сталкиваются.

Он думает. Вероятно, задаваясь тем же вопросом.

– Я не знаю, – наконец отвечает Дин, и в каждом слове сквозит осязаемая грусть. – Но я думаю, что ты была права... мы никогда не станем друзьями.

Глава 9

Пять лет назад

– Где ты научился это делать? Не важно... Я не хочу знать.

Дин вскрывает висячий замок старого, заброшенного дома какой-то маленькой штукой – возможно, шпилькой для волос. А может и кусочком его дьявольского рога.

Брэндон крепче обнимает меня за талию, согревая теплом своего тела. Сейчас только середина октября, но невыносимо морозный воздух добавляет нашему приключению в доме с привидениями идеальную жуткую атмосферу.

Мэнди прижимается к Дину, наблюдая, как он возится с замком. Она подпрыгивает на месте, обнимая себя обеими руками.

– Поторопись, малыш. Нас кто-нибудь увидит, – громким шепотом говорит она. – К тому же у меня уже задница отмерзла.

– Почему ты не надела штаны? – спрашивает Дин. – На улице один градус тепла.

– Они не подходят к моему образу. Очевидно же.

Только моей сестре взбредет в голову вырядиться ради крайне незаконной ночной вылазки в захудалый трехэтажный викторианский дом. Я качаю головой, преувеличенно округляя глаза.

– На кого ты пытаешься произвести впечатление, сестрен-

ка? На привидение мистера Гаррисона?

– Ха-ха, – язвит она в ответ. – В отличие от некоторых людей, мне нравится выглядеть идеально независимо от обстоятельств.

Мэнди бросает многозначительный взгляд на мои выцветшие синие джинсы, мешковатую толстовку с капюшоном и потертые ботинки. Я быстро поправляю свой растрепанный пучок, игнорируя намек на то, что моя внешность не соответствует стандартам общества.

Взлом с проникновением точно не входили в мой список дел на сегодня – или вообще когда-либо, если уж на то пошло. Но Мэнди меня уговорила. Заброшенный дом Гаррисона стал источником множества загадочных историй и грязных слухов в нашем маленьком городке, особенно в это время года. Кроме того, Брэндон был чрезмерно воодушевлен перспективой провести ночь в жутком доме, и мне не хотелось, чтобы он счел меня трусихой.

Которой я, разумеется, и являюсь. В данный момент я практически описываюсь от страха.

Я внимательно слежу за попытками Дина вскрыть замок, нетерпеливо постукивая носком ботинка.

– Кажется, ты говорил, что это будет легко, – бухчу я. – Из тебя отвратный преступник.

– Почти получилось.

Щелчок.

Замок соскальзывает, и Дин победоносно мне подмигива-

ет.

– Ты что-то говорила?

Я морщу нос и прохожу мимо него. Брэндон ведет меня вперед, положив руку на поясницу.

– Это ужасно, – заявляет Брэндон, освещая фонариком на своем телефоне темный коридор. Он наклоняется и целует местечко между моей шеей и плечом. – Испугалась, малышка?

Я дрожу.

От поцелуя, а не от мысленного образа пятидесяти тысяч пауков, разбегающихся по углам и ждущих, когда мы заснем, чтобы заползти нам в уши и основать внутри нас целые колонии.

– Мне не страшно. Просто холодно, – вру я.

Я не умею лгать, поэтому Брэндон разворачивает меня и притягивает к себе для быстрого поцелуя.

– Бояться – это нормально. Вот почему это весело.

Дин подкрадывается к нам, поводя своими дурацкими бровями.

– Да, это весело, Корабелла. Ты же читала о веселье в своих книжках?

– Погоди. Ты знаешь, что такое книги?

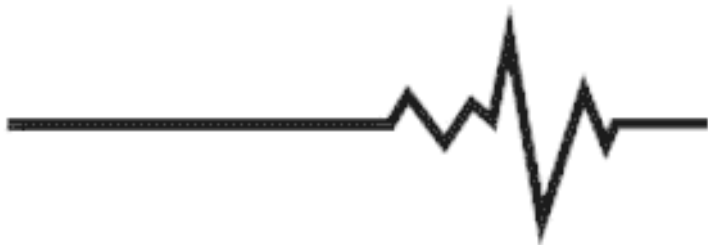
Мэнди хлопает меня по руке, покачивая своими обесцвеченными локонами.

– Я переживала, что нас убьют злые духи, живущие в этих стенах, но теперь почти уверена, что в конечном итоге вы

сами друг друга порешите.

Я пожимаю плечами.

Наверное, она права.

Вдруг что-то начинает щекотать мне затылок, и я сразу представляю паука-волка из «Паранормального явления».

Я хлопаю себя по шее и трясую головой. Все тело мгновенно покрывается мурашками. Фу! Я опускаю взгляд, чтобы закончить раскладывать свой спальный мешок, и тут замечаю трех огромных мохнатых пауков, выглядывающих из мешка и готовых высосать мою душу.

С моих губ срывается вопль. Громкий.

Шею вновь начинает щекотать, я резко вскакиваю, начинаю топтать ногами, трясоти волосами, руками, одеждой. Дрожащей ногой пинаю спальный мешок и пячусь, врезаюсь прямо в твердое тело. Я снова кричу.

В ушах раздается знакомый смех.

Крутанувшись на месте, я замечаю в руках Дина перо и тут же начинаю кулаками молотить его грудь.

– Ты придурок! – кричу я, мое сердце бешено колотится под толстовкой. – Я тебя ненавижу!

Дин хватает меня за запястья, быстро пресекая мою атаку.

– Да, да, да. А я ненавижу тебя еще больше.

Моя грудь все еще тяжело вздымается, когда я смотрю на него злым взглядом.

– Не-а. Ты никак не можешь ненавидеть меня больше, чем я ненавижу тебя. – Я высвобождаю руки.

Он ничего не отвечает. Знает, что я права.

Улыбка Дина широкая и дьявольская.

– Тебе не понравились пауки?

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на отвратительных демонов, и только теперь понимаю, что они фальшивые.

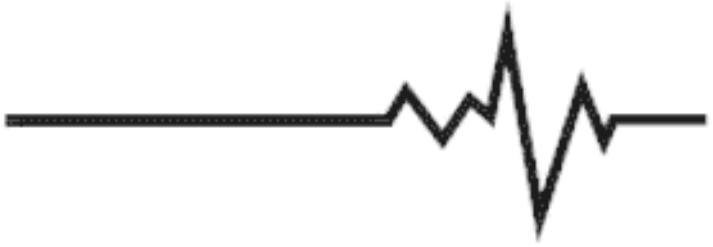
Придурок, придурок, придурок.

Я снова смеряю Дина гневным взглядом, и тот скидывает ладони вверх.

– Ты слишком упрощаешь мне задачу, Корабелла.

Я стремительно прохожу мимо, не достаивая даже взглядом, и присоединяюсь к Брэндону, чтобы исследовать второй этаж. Позже я ему отомщу.

Это обещание.

– Корабелла, хочешь один?

Я сижу перед множеством свечей, пытаюсь согреться с помощью виски и флисовых одеял. Мэнди в ванной взбивает волосы или что там ей еще надо, а Брэндон в другой комнате играет на своем новом телефоне НТС.

– Не называй меня так. – Дин появляется слева от меня и протягивает коробку с пончиками в сахарной пудре.

Я люблю пончики с сахарной пудрой.

Подозрительно кошусь на Дина, но его лицо остается непроницаемым. В этих голубых глазах нет ни озорства, ни гнусных намерений. Я поднимаю руку с красно-черного клетчатого покрывала и достаю пончик из коробки.

Откусываю кусочек, а затем мгновенно выплевываю его, когда рот наполняется кукурузным крахмалом.

Ублюдок.

Дин разражается хохотом, и я собираюсь выкрикнуть в его адрес непристойности или накинуться на него с кулаками, но тут мне в голову приходит идея. Нужно действовать быстро.

Я хватаюсь руками за горло и начинаю кашлять. Глаза слезятся, тело трясется.

– У меня... у меня аллергия... на кукурузный крахмал... – выдавливаю я, хрипя и держась за горло, сгибаясь пополам с впечатляющей реалистичностью.

Лицо Дина мгновенно белеет. Он падает рядом со мной на колени и начинает похлопывать меня по спине.

– Черт, Кора. Я не знал. Все нормально?

Я качаю головой, отчаянно хватая ртом воздух.

– Я... не могу... дышать...

– Черт... дерьмо! – орет он, тряся меня за плечи, его глаза округляются от ужаса.

Я падаю навзничь на спальный мешок, смыкаю пальцы вокруг своей шеи и притворяюсь, будто силы бороться меня оставили. Веки закрываются, голова склоняется набок, тело обмякает.

Не смеяться. Не смеяться.

– Мать твою... Кора! – Он продолжает трясти меня. – Кора!

Хотела бы я сейчас видеть выражение его лица.

– Мэнди! – зовет он, и я слышу чьи-то торопливые шаги по комнате.

Дин обхватывает ладонями мое лицо, приподнимая мне голову и глядя большими пальцами мои холодные щеки. Жест странный и нежный, и это меня нервирует, пока я лежу, затаив дыхание.

– Она только что потеряла сознание, Мэнди. Я облажался. Господи Иисусе, – причитает он. – Кора!

– Какого черта тут происходит? – слышится приближающийся голос Брэндона.

Мэнди начинает паниковать, и я представляю, как она поптичьи машет руками, что у нее происходит всегда при сильном волнении.

– Ты убил мою сестру?! – набрасывается она на Дина.

– Я не знал, что у нее аллергия на кукурузный крахмал!

Внезапно к моим губам прижимается горячий рот, и это не Брэндон. Я запомнила ощущение поцелуя Брэндона, потрескавшиеся и шершавые губы, верхняя тонкая.

Нет, эти полные и мягкие, а на вкус напоминают мяту и бурбон. Дин делает мне искусственное дыхание.

Как бы ни было велико удовольствие от шутки, рот Дина Ашера на моих губах уже слишком. Стоит закругляться, пусть это и забавно. Кроме того, здесь уже замешаны Брэндон и Мэнди, а это несправедливо по отношению к ним.

Я открываю глаза.

Дин начинает давить мне на грудь, выдыхая воздух мне в рот, его лоб блестит от пота. Мои приоткрытые губы растягиваются в улыбке. Он замечает это и недоуменно отстраняется.

Моя ухмылка становится шире, и я начинаю неудержимо хохотать.

– Попался!

Дин спрыгивает с меня, вскакивает на ноги и вытирает лицо обеими ладонями. Ерошит пальцами волосы, наблюдая, как я перекатываюсь на бок и корчусь от смеха.

– Ты серьезно, мать твою?

Я не могу перестать смеяться.

– Я подумал, что ты умерла!

Из меня вырывается несколько всхлипов, и никак не получается отдышаться. Переживаю, что действительно могу потерять сознание. На сей раз по-настоящему.

Наконец, вмешивается Мэнди, скрещивая руки на своей пышной груди.

– Это не круто, сестренка.

– Да, детка, ты нас напугала. – Брэндон сидит рядом со мной на корточках и гладит меня ладонью по плечу.

У меня получается взять себя в руки и немного успокоиться. Приподнимаясь, смотрю на совершенно невпечатленного Дина.

– Хорошенько же я тебя проучила, и ты заслужил это по полной программе. Выражение твоего лица бесценно.

В ответ Дин пронзает меня колючим взглядом, его плечи вздымаются от напряжения. Очевидно, что он не разделяет моего веселья. На самом деле, я никогда раньше не видела, чтобы он так на меня смотрел – измотанный, возмущенный, может быть, даже немного обиженный.

Плевать. Ни капли не жалею.

– Мне определенно нужно покурить, – мрачно бросает

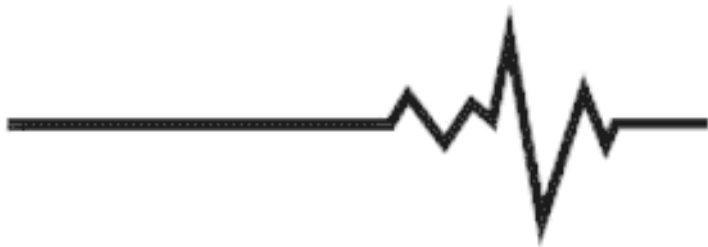
Дин, роясь в карманах и вытаскивая пачку сигарет. Он бросает на меня последний неприязненный взгляд, прежде чем исчезнуть в одной из соседних комнат, старые половицы отзываются скрипом на каждый его шаг.

Дальше вечер проходит с гораздо меньшими волнениями. Я прижимаюсь к груди Брэндона и потягиваю коктейль. В мерцании множества свечей мы рассказываем истории о привидениях, жуем попкорн и печенье с шоколадной крошкой и позволяем нашему разуму играть с нами злые шутки, хихикая и визжа при каждом странном, пугающем звуке.

Это веселая ночь. Запоминающаяся. Но что-то не так.

Может быть, из-за неудобных спальных мест. Может, из-за холодного воздуха. Или из-за боли в животе от всей нездоровой пищи, которую я съела. А может, дело в пауках, которые прячутся в тени и ждут удобного случая заползти нам в уши и размножиться в мозгу.

Или... Или потому что Дин так и не удостаивает меня ни единым словом до конца ночи.

В этом доме ужасов проходит больше недели.

Уже шестнадцать рассветов посмеиваются над нами из морозного окна.

«Двадцать вопросов». Сэндвичи с индейкой. Насилие. Голодные боли. Боль в сердце. Пение. Рассказы. Отчаяние. Секс с Дином.

Секс с Дином.

Вот что у меня, наверное, никогда не получится до конца осмыслить. Это случилось уже четыре раза. *У меня был секс с Дином Ашером четыре раза.* И это не изнасилование – я бы никогда его так не назвала. Каждый раз он ждет моего согласия. Каждый раз он готов умереть, если я решу сказать «нет».

И каждый раз он все равно умирает, по чуть-чуть.

Эрл и Дин чередуются по дням, как по чертову расписанию. Мое тело – это больше не мое тело. Но Эрл обращается со мной как с мусором, грязным и одноразовым, в то время как Дин массирует запястье, помогая отвлечься, шепчет мне на ухо извинения и льет слезы на шею, прежде чем его снова оттащат и закуют в цепи.

Сегодня день Дина, и я благодарна за это.

Дин держит мое запястье, кружит пальцем по нежной коже, пока толкается в мое лоно. Он не смотрит на меня. На самом деле, он вообще почти не смотрит мне в глаза. Я думаю, он боится того, что может там увидеть.

– Хороший песик, – ухмыляется Эрл с расстояния

нескольких шагов, отдавая приказы в перерывах между отвратительными стонами. – Котенку нравится.

Я делаю глубокий вдох и отворачиваю голову в другую сторону. Дин отстраняется, опуская мою ногу и обхватывая ладонью мою щеку. Я опускаюсь на ноги, и из-за разницы в росте Дин выскальзывает из меня. Он мог бы поддержать меня другой рукой, но он этого не делает. Не отпускает запястье.

Его прикосновение к щеке нежное и ласковое, и по моей коже пробегают мурашки, которых Дин, надеюсь, не замечает.

– Ты в порядке?

Но тут вмешивается Эрл.

– Я не приказывал, чтобы ты переставал ее трахать, тупоголовая псина!

Мы с Дином быстро переглядываемся, и я киваю, проглатывая искренний ответ, что я *не в порядке*. *И в порядке никогда не буду*.

Дин вздыхает, медленно моргая. Я его не убедила, но он понимает, что ничего не может с этим поделать. Поэтому неохотно приподнимает меня и снова оказывается внутри, заполняя собой. Я издаю тихий вздох. Меня беспокоит странное чувство облегчения от ощущений Дина между ног. Может быть, это извращенный случай Стокгольмского синдрома. Может быть, я сошла с ума. Или просто Дин теплый, безопасный и знакомый, и это все, за что мне остается цеп-

ляться.

Я приму любую помощь, которая мне доступна.

Закончив, Дин выходит из меня и утыкается лицом в изгиб моей шеи, как и всегда.

– Мне жаль. Прости меня, Кора. – Его дыхание щекочет мне ухо, а кожа намокает от слез. – Пожалуйста, прости меня.

И я прощаю. Всегда прощаю.

Дина отпихивают обратно в свой угол и сажают на цепь, как настоящую собаку. Обычно после этого Эрл уходит на работу, но сейчас он медлит, а затем оборачивается, вперив в меня свои темные глазки. Я вздрагиваю.

– Моя очередь, котенок.

Что?

Нет. Пожалуйста, нет.

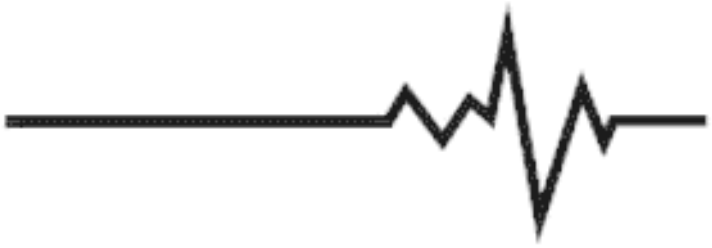
– Я... я думала, твоя очередь завтра, – пишу я, медленно пятясь назад, желая раствориться в трубе.

Эрл кидается ко мне и бьет меня наотмашь, заставляя вскрикнуть.

– Эй! – Дин неистовствует, гремя цепью, от него волнами исходит ярость.

– Я беру желаемое, когда захочу, ты, тупая сука! Поняла? – шипит Эрл.

Я киваю. Из глаз текут слезы, а челюсть пульсирует от боли.

Эрл срывает с себя ремень... и когда тот грубо проскальзывает сквозь петли, отлетает крошечный кусочек металлического язычка. Очень маленький, он едва слышно падает у ноги Дина, но Дин его замечает. Я пытаюсь никак не реагировать, чтобы не выдать нас, но округлившимися глазами смотрю, как Дин незаметно прячет металлическую застёжку под носком.

Не знаю, чем это может нам помочь и может ли вообще, но уже хоть что-то.

Это все, что у нас есть.

Глава 10

– Ты скучаешь по ней?

На восемнадцатый день в окно заглядывает солнце и дразнит нас. Мы сидим по своим углам лицом друг к другу, наши ноги вытянуты и почти соприкасаются носками. Дин опирается спиной на свою трубу, его взгляд устремлен вверх моего плеча.

– По кому? – рассеянно спрашивает он.

Он знает ответ, но я все равно отвечаю.

– По моей сестре.

Дин моргает, медленно и лениво. На его лице появляется отстраненное выражение, и между нами повисает молчание. Интересно, о чем он сейчас думает? Прокручивает ли мысленно воспоминания, как кинолентку?

Наконец он один раз кивает, так же медленно.

– Мы должны были пожениться через две недели. Мэнди хотела зимнюю свадьбу с бархатными шальями, санями, запряженными лошадьми, и белыми рождественскими гирляндами.

На моем лице расцветает ностальгическая улыбка, когда я вспоминаю, как мы с Мэнди планировали ее свадьбу. Мы остановились на рубиново-красных платьях подружек невесты с белоснежными шальями. Это было волшебное.

Должно было выглядеть волшебное.

Я бросаю взгляд на Дина, молча умоляя его посмотреть на меня. *Увидеть* меня. Чтобы я могла убедиться, что все еще существую.

– Она была очень счастлива, что станет твоей женой, – говорю я тихим шепотом.

Аманда Ашер.

В моем последнем воспоминании Мэнди отработывала свою будущую подпись на счете в баре в ту роковую ночь.

Я замечаю, как Дин стискивает зубы в ответ на мои слова, а затем закрывает глаза. Наверное, он принимает тот факт, что, возможно, никогда не женится на Мэнди. Возможно, он вообще никогда не женится. У него никогда не будет детей, или он не посмотрит еще один футбольный матч, или не съест стейк средней прожарки. Не погладит собаку, не будет спать в чертовой кровати и его не разбудит будильник, чтобы сообщить: *«Доброе утро. Еще непросветная рань, а тебя ждет десять тяжелых часов на работе, но, по крайней мере, ты сможешь дышать свежим воздухом и чувствовать солнечные лучи на своей коже».*

Дин откидывает голову на трубу, его глаза все еще закрыты. Но когда он их открывает, то наконец видит мое лицо. Мои печальные нефритовые глаза. Мою бледную кожу и спутанные волосы. Он видит меня, и это кажется крошечным чудом.

Я реальна. Мы реальны.

– Сегодня мы отсюда выберемся.

Как только он произносит слова, от которых сердце пропускает дюжину ударов, по деревянным ступенькам слышится стук ботинок Эрла.

Сегодня день Дина. *Слава богу.*

– Проснитесь и пойте, мои питомцы. Готовы к новому дню? – восклицает Эрл, его лицо светится дьявольским весельем.

Он подходит к Дину, стук его ботинок со стальными носками по полу всегда кажется слишком громким и несущим угрозу. Эрл расстегивает наручники, затем отходит с пистолетом, направленным прямо Дину в голову.

Но вместо того, чтобы подойти ко мне, как Дин обычно делает, он остается на месте. Он совершенно неподвижен и с нечитаемым выражением лица окидывает Эрла уничтожающим взглядом.

– Жирный гребаный ублюдок, – цедит он сквозь зубы тихо и уверенно.

Эрл стоит как вкопанный, я же наблюдаю за происходящим, испуганно молча и крепко стискивая пальцами трубу.

Затем Эрл со всей силы ударяет Дина кулаком в челюсть.

Я вздрагиваю, протестуяще вскрикивая и дергаясь на цепи, чтобы снова привлечь внимание Эрла. Когда Дин медленно поднимается с колен, в его крепко сжатом кулаке скрывается наше маленькое сокровище.

Эрл прижимает дуло пистолета Дину к спине и толкает его ко мне.

– Не испытывай мое терпение, сынок. В следующий раз я пушу пулю тебе в лицо, а не кулак, – предупреждает Эрл. – Твое время на исходе.

Я часто и прерывисто дышу, когда Дин приближается ко мне, лицом к лицу, голубые глаза к зеленым. Мой взгляд скользит к его разбитой губе, уже распухшей и запачканной кровью. Я втягиваю носом воздух и едва не давлюсь. Дин наклоняется ко мне. Прижимается своими полными губами к моим, и я сразу же ощущаю на языке металлический привкус крови, смешанный с потом и мятной зубной пастой. Я приоткрываю рот, позволяя его языку скользнуть внутрь, и Дин глубоко вдыхает, очень глубоко, как будто для выживания подпитывается моей жизненной силой.

Мы продолжаем целоваться, и я чувствую, как он ощущает мои скованные наручниками запястья. Вместо того, чтобы как обычно прижать большой палец к моему пульсу, он медлит. Отрывается от моего рта и ведет губами по моей правой щеке, пока не прижимается ими к моему уху. Горячее дыхание щекочет кожу, и я вздрагиваю.

Затем он хрипло шепчет:

– Не отпускай наручники. Не дай им упасть.

Еще один вдох застревает у меня в горле, когда я инстинктивно сжимаю пальцами металл, сжимаю так крепко, как только могу. Дину требуется мгновение, чтобы растянуть и спустить джинсы до лодыжек, затем он поднимает меня обеими руками.

– Обхвати меня ногами, – приказывает он.

Я игнорирую странную дрожь, которую вызывают эти слова, и делаю, как он велит. Немного приподнимаюсь, чтобы Дин мог попытаться расстегнуть мои наручники с помощью обломка от ремня. Подобный подвиг кажется невозможным, но, боже мой, я никогда еще не желала что-либо так сильно.

Дин входит в меня, привычно отводя глаза, не в состоянии видеть мою реакцию на, как он считает, ужасающее нарушение моего личного пространства. Я должна с ним согласиться, действительно должна, но предполагаю, что мои глаза рассказывают совсем другую историю.

Хорошо, что он не смотрит.

Когда мы ловим удобный ритм, Дин снова находит мои запястья, прижимаясь подбородком к изгибу моего правого плеча, чтобы спрятать лицо от Эрла. С другой стороны подвала, вероятно, кажется, что ему действительно нравится впечатывать меня в эту трубу, хотя на самом деле он пытается меня освободить. Сегодня я не скучаю по тому, как он массирует мне запястье, потому что слишком увлечена мыслью о долгожданном побеге из этой тюрьмы.

Пожалуйста, пусть все получится. Пожалуйста, пожалуйста!

Я мысленно отсчитываю секунды, пытаюсь сохранить сосредоточенное и непроницаемое выражение лица. Такое чувство, что проходит больше времени, чем обычно, в жизни начинает нарастать паника. Я пытаюсь дышать ровно,

мои глаза закрыты. Я жду, и жду, и жду.

А потом Дин снова прижимается губами к моему уху и тихо говорит:

– Мне нужно, чтобы ты стонала, Корабелла.

Стонала?

Я неуверенно сглатываю.

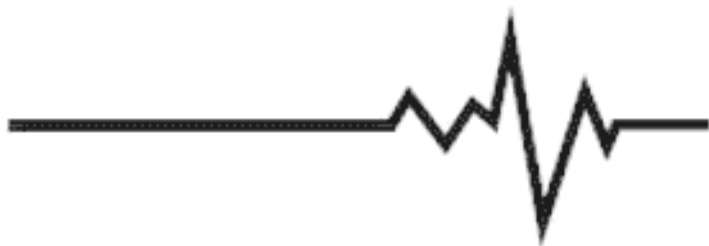
– Пожалуйста, – шепчет он. От приглушенной мольбы в его голосе по телу вновь пробегают мурашки.

Я киваю и выдавливаю свой самый убедительный стон, маскируя звук расстегивающихся наручников за спиной, скрывая свидетельство нашей монументальной победы.

Господи боже, у него получилось! Дин сделал это.

Я изо всех сил сжимаю в руках металл, следя за тем, чтобы наручники не упали на пол и не выдали нас. Дину требуется время, чтобы сосредоточиться на своей «задаче», и через минуту он кончает. На этот раз он не говорит, что сожалеет. Он не плачет и не умоляет о прощении.

Лишь отстраняется и подмигивает.

Мы ждем, как нам кажется, целую вечность, хотя на самом деле, вероятно, проходит меньше часа. Ждем, пока не будем уверены, что Эрл уехал на работу.

У Эрла есть распорядок дня. Он работает с понедельника по пятницу, уходя утром и возвращаясь вскоре после захода солнца. Сегодня четверг, так что он уже должен быть по пути на работу, давая нам меньше восьми часов, чтобы убраться отсюда к чертовой матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.